

Ernst Remarque.

ЭРИХ МАРИЯ РЕМАРК

ВОЗЛЮБИ БЛИЖНЕГО
СВОЕГО

НОЧЬ В ЛИССАБОНЕ

NEO-Классика

Эрих Мария Ремарк

**Возлюби ближнего
своего. Ночь в Лиссабоне**

«ФТМ»

«Издательство АСТ»

1941, 1962

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44

Ремарк Э.

Возлюби ближнего своего. Ночь в Лиссабоне / Э. Ремарк —
«ФТМ», «Издательство АСТ», 1941,1962 — (NEO-Классика)

ISBN 978-5-17-106409-9

«Возлюби ближнего своего» — роман о немецких эмигрантах, вынужденных скитаться по предвоенной Европе. Они скрываются, голодают, тайком пересекают границы, многие из их родных и близких в концлагерях. Потеряв родину и привычный уклад жизни, подвергаясь смертельной опасности, герои Ремарка все же находят в себе силы для сострадания и любви. «Ночь в Лиссабоне» — трагический, проникновенный роман Эриха Марии Ремарка о Второй мировой войне. Это не просто случайная встреча двух отчаявшихся людей, один из которых тщетно пытается найти два билета на пароход до Америки, а другой — ищет собеседника, чтобы излить ему душу. Это настоящая исповедь отважного человека, на долю которого выпали невыносимые по тяжести испытания. Это история целого поколения людей, столкнувшихся с войной, попавших в тиски фашизма. Это еще и история любви, перед которой отступает даже смерть. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 821.112.2-31

ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-17-106409-9

© Ремарк Э., 1941,1962

© ФТМ, 1941,1962

© Издательство АСТ, 1941,1962

Содержание

Возлюби ближнего своего	5
Часть первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Эрих Мария Ремарк

Возлюби ближнего своего. Ночь в Лиссабоне

Возлюби ближнего своего

Часть первая

I

Керн мгновенно очнулся от тяжелого свинцового сна и прислушался. Как всякий затравленный человек, он был настороже, в напряжении и готов к побегу. Подавшись вперед исхудавшим телом, он сидел неподвижно на постели, обдумывая, как бежать, если лестница уже перекрыта.

Комната находилась на пятом этаже. Одно окно выходило во двор, но не было ни балкона, ни карниза, чтобы добраться до водосточной трубы. Значит, бежать через двор было невозможно. Оставался только путь по коридору на крышу и по крыше – к соседнему дому.

Керн посмотрел на светящийся циферблат своих часов: начало шестого. В комнате было еще темно. Простыни на двух других койках казались серыми. Спавший у стены поляк храпел.

Керн осторожно выскользнул из постели и прокрался к двери. В тот же момент зашевелился мужчина, спавший на койке между Керном и поляком.

– Что там случилось? – прошептал он.

Керн не ответил; он слушал, приложив ухо к двери.

Мужчина приподнялся и начал рыться в вещах, висевших на спинке кровати. Вспыхнул карманный фонарь, и его слабый дрожащий свет выхватил из темноты кусок обшарпанной коричневой двери и фигуру Керна, лохматого, в помятом нижнем белье, подслушивающего у замочной скважины.

– Черт подери, да что там такое? – прошипел мужчина на постели.

Керн выпрямился.

– Не знаю. Я проснулся, потому что услышал что-то.

– Что-то! Что «что-то», болван?

– Что-то внизу. Голоса, шаги, в этом роде...

Мужчина встал и подошел к двери. Карманный фонарь осветил желтоватую рубаху и пару волосатых мускулистых ног. Несколько мгновений он прислушивался.

– Ты давно здесь? – спросил он.

– Два месяца.

– И за это время уже была облава?

Керн покачал головой.

– Ага. Тогда ты, наверное, ослышался.

Он осветил Керну в лицо.

– Н-да. Сколько тебе? Двадцать? Эмигрант?

– Конечно.

– Jesus Christus, co sie stalo?¹ – пробормотал неожиданно поляк, спавший у стены.

Мужчина в рубашке направил в угол луч света. Из темноты вынырнули черная щетина бороды, разинутый рот и вытаращенные глаза под кустистыми бровями.

– Заткнись ты со своим Христом, – пробурчал мужчина с фонарем. – Его больше нет. Погиб смертью храбрых на Сомме.

– Co?²

– Ну вот, опять! – Керн бросился к постели. – Они идут снизу. Надо уходить по крышам!

Мужчина с фонарем резко обернулся.

Были слышны голоса и хлопанье дверей.

– Полиция! Полякам выходить! Черт возьми! Выходить!

Он сдернул свои вещи с постели.

– Ты знаешь дорогу? – спросил он Керна.

– Да. Направо, по коридору! До лестницы за умывальником и наверх!

– Ну! – Мужчина в рубахе бесшумно открыл дверь.

– Matka boska!³ – пробормотал поляк.

– Заткнись. Ни звука.

Мужчина прикрыл дверь. Они бесшумно проскользнули по узкому грязному коридору. Они бежали так тихо, что было слышно, как вода из плохо завинченного крана капает в раковину.

– Сюда! – прошептал Керн, завернул за угол и наткнулся на что-то. Он покачнулся, увидел униформу и бросился назад. В то же мгновение он почувствовал удар в плечо.

– Ни с места. Руки вверх! – скомандовали из темноты.

Керн выронил вещи. Его левая рука онемела от боли, удар пришелся по суставу. Мужчина в рубахе выглядел в эту секунду так, словно собирался броситься в темноту на голос. Потом он увидел дуло револьвера, направленное ему в грудь другим полицейским, и медленно поднял руки.

– Кругом! – скомандовал голос. – Встать к окну!

Оба подчинились.

– Посмотри, что у них в карманах, – сказал полицейский с револьвером.

Второй обыскал вещи, лежащие на полу.

– 35 шиллингов... карманный фонарь... трубка... карманный нож... гребень... больше ничего.

– Никаких бумаг?

– Пара писем или что-то вроде.

– Паспортов нет?

– Нет.

– Где ваши паспорта? – спросил полицейский с револьвером.

– У меня нет, – сказал Керн.

– Еще бы! – Полицейский ткнул револьвер в спину мужчины в рубахе. – А ты? Тебя не касается, ублюдок поганый?!

Полицейские переглянулись. Тот, что без револьвера, засмеялся. Другой облизнул губы.

– Ах, какие мы благородные! – сказал он медленно. – Какие сиятельные генералы! Мразь вонючая, бродяга!

Он вдруг размахнулся и ударил мужчину кулаком в челюсть.

– Руки вверх! – зарычал он, когда тот покачнулся.

¹ Иисусе Христе, что случилось? (польск.)

² Что? (польск.)

³ Матерь Божья! (польск.)

Мужчина посмотрел на него. Керн никогда еще не видел такого взгляда.

– Я тебе говорю, сволочь! – сказал полицейский. – Скоро ты? Или тебе еще раз прочистить мозги?

– У меня нет паспорта, – сказал мужчина.

– «У меня нет паспорта», – передразнил полицейский. – Конечно, у господина ублюдка нет паспорта. Как и следовало ожидать. Одеваться! Быстро!

Группа полицейских бежала по коридору. Они распахнули дверь. Вошел один с погонами.

– Что там у вас?

– Две пташки. Хотели смыться по крыше.

Офицер посмотрел на задержанных. У него было молодое, худое и бледное лицо. Он носил маленькие холеные усики, и от него пахло туалетной водой. Керн узнал: это был одеколон № 4711. Его отец имел раньше парфюмерную фабрику, поэтому Керн разбирался в таких вещах.

– Этими двумя мы еще займемся, – сказал офицер. – Наручники!

– Венской полиции разрешается совершать избиения во время ареста? – спросил мужчина в рубаше.

Офицер поднял глаза.

– Ваше имя?

– Штайнер. Йозеф Штайнер.

– У него нет паспорта, и он угрожал нам, – сказал полицейский с револьвером.

– Венской полиции разрешается много больше, чем вы думаете, – резко возразил офицер. – Марш вниз!

Оба оделись. Полицейский протянул наручники.

– Подойдите сюда, голубчики. Так, теперь вы выглядите уже лучше. Как на заказ сделано.

Керн почувствовал на суставах холодную сталь. Первый раз в жизни он был закован в кандалы. Стальные браслеты не очень мешали при ходьбе. Но ему казалось, что они сковали не только руки.

На улице было раннее утро. Перед домом стояли две полицейские машины. Штайнер скорчил гримасу:

– Похороны – люкс. Шикарно, малыш, не так ли?

Керн не ответил. Он пытался спрятать наручники под пиджак. Несколько молочников главели на них с улицы. В домах напротив были открыты окна. В темных отверстиях, как куски теста, белели лица. Какая-то женщина хихикала.

Человек тридцать задержанных были посажены на машины. Это были открытые полицейские грузовики. Большинство влезали в машины без единого слова. Среди задержанных была и владелица дома, толстая светловолосая женщина лет пятидесяти. Она была единственным человеком, который с возмущением протестовал. Несколько месяцев назад она превратила два пустующих этажа своего ветхого дома в пансион, нечто вроде дешевой ночлежки. Скоро стало известно, что там можно переночевать, не прописываясь в полиции. В доме только четыре жилья имели полицейскую прописку: уличный торговец, морильщик мышей и две проститутки. Остальные приходили вечером, когда темнело. Почти все были эмигранты и беженцы из Германии, Польши, России и Италии.

– Быстро, быстро в машину, – говорил офицер домовладелице. – Все это вы объясните в полиции. У вас там будет достаточно времени.

– Я протестую! – кричала женщина.

– Можете протестовать сколько угодно. А пока вы едете с нами.

Двое полицейских подхватили женщину под мышки и подняли на машину. Офицер повернулся к Керну и Штайнеру:

– Теперь эти двое. За ними следить особо.
– Мегсі, – сказал Штайнер и полез в машину. Керн последовал за ним.
Машины тронулись.
– До свидания, – проскрежетал из окон женский голос.
– Убивать надо эту эмигрантскую сволочь, – прорычал вслед какой-то мужчина. – Только жратву зря переводите.

Полицейские машины ехали довольно быстро. Улицы были еще пусты. Небо над домами отодвигалось, светлело, становилось больше, голубее и прозрачнее, а темная масса арестованных в кузове напоминала ивы в осенний дождь. Несколько полицейских ели бутерброды, пили кофе из плоских жестяных фляжек.

Недалеко от Аспернбрюке улицу пересек овощной фургон. Полицейские машины затормозили, потом снова тронулись. В это мгновение один из арестованных вскарабкался на борт второго грузовика и спрыгнул вниз. Он упал наискось, на крыло, запутался в пальто и с сухим треском ударился о булыжник.

– Стоп! Назад! – закричал офицер. – Стрелять, если он побежит!

Грузовик резко затормозил. Полицейские бросились к тому месту, где лежал человек. Шофер оглянулся. Заметив, что человек не бежит, он медленно подал машину назад.

Человек лежал на спине. Он ударился о камни затылком. Он лежал в распахнутом пальто, раскинув руки и ноги, как большая распластанная летучая мышь.

– Поднимите его наверх! – крикнул офицер.

Полицейские нагнулись. Потом один из них выпрямился.

– Он, наверное, что-то себе сломал. Не может встать.

– Прекрасно может. Поднять его!

– Дайте ему хорошего пинка, сразу очухается, – сказал лениво полицейский, который бил Штайнера.

Человек застонал.

– Он действительно не может встать, – сообщил другой полицейский. – И кровь. Разбил голову.

– Черт! – Офицер спрыгнул вниз. – Чтобы никто ни с места! – крикнул он арестованным. – Проклятая банда! Одни только пакости!

Машина стояла теперь совсем рядом с раненым. Сверху Керн мог хорошо его видеть. Он знал его. Это был худой польский еврей с редкой седой бородой. Керн несколько раз ночевал с ним в одной комнате. Он ясно вспомнил, как старик молился по утрам, облачившись в талес, стоя у окна и тихо раскачиваясь всем телом взад и вперед. Он торговал нитками и ремешками, и его уже три раза высылали из Австрии.

– Встать! Ну! – скомандовал офицер. – Зачем вы спрыгнули с грузовика? Совесть нечиста? Воровали или что-нибудь похуже?

Старик пошевелил губами. Его раскрытые глаза были устремлены на офицера.

– Что? – сказал офицер. – Он что-то сказал?

– Он говорит, это от страха, – ответил полицейский, стоявший на коленях.

– От страха? Еще бы! Он, видно, что-то слямзил! Что он говорит?

– Говорит, что ничего не слямзил.

– Все говорят. Что теперь с ним делать? Что у него там?

– Надо вызвать врача, – сказал с грузовика Штайнер.

– Молчать! – озлился офицер. – Какой там врач в такую рань? Нельзя же ему лежать на улице. Потом снова скажут, что это мы его так отделали. Вечно все валят на полицию!

– Его надо в больницу, – сказал Штайнер. – И как можно скорее.

Офицер был сбит с толку. Он видел теперь, что человек тяжело ранен, и забыл, что запретил Штайнеру разговаривать.

– Больница! Они его так просто не возьмут. Для этого нужно направление. Я не могу один дать направление. Я должен сперва доложить.

– Отправьте его в еврейскую больницу, – сказал Штайнер. – Там его возьмут без направления. И даже без денег.

Офицер воззрился на Штайнера.

– Вы откуда знаете?

– Его надо в «скорую помощь», – предложил один из полицейских. – Там всегда есть санитары или врач. Они там посмотрят. А мы отделаемся.

Офицер принял решение.

– Ладно, поднимите его. Заедем в «скорую». Кто-нибудь там с ним останется. Чертово свинство!

Полицейские подняли старика. Он стонал и был очень бледен. Его положили на дно грузовика. Он вздрогнул и раскрыл глаза. Они неестественно блеснули на его обескровленном лице. Офицер кусал губы.

– Что за идиотизм прыгать с грузовика. Такой старый человек. Поехали!

Под головой раненого образовалась кровавая лужа. Узловатые пальцы скребли по деревянному дну грузовика. Губы медленно отклеились от зубов и растянулись в улыбку. Он выглядел так, словно за призрачно затененной маской боли беззвучно и оскорбительно смеялся кто-то другой.

– Что он говорит? – спросил офицер.

Полицейский снова опустился на колени около старика, поддерживая его голову и пытаясь разобрать слова сквозь дребезжание машины.

– Говорит, хотел к детям. Говорит, они теперь с голоду помрут, – доложил он.

– Глупости. Не помрут. Где они?

Полицейский наклонился.

– Не говорит. Говорит, их тогда выселят. У них нет разрешения на жительство.

– Чепуха. Что он сказал?

– Он сказал, чтоб вы ему простили.

– Что? – переспросил удивленно офицер.

– Он просит его простить, что он причинил вам столько хлопот.

– Простить? При чем тут прощение? – Офицер посмотрел на старика на дне машины и покачал головой.

Грузовик остановился перед пунктом «скорой помощи».

– Давайте его туда! – скомандовал офицер. – Осторожно. Роде, вы останетесь с ним, пока я не позвоню.

Старика подняли. Штайнер нагнулся к нему.

– Мы найдем твоих детей. Мы им поможем, – сказал он. – Слышишь, старина?

Еврей закрыл глаза и снова открыл их. Потом трое полицейских внесли его в дом. Его руки свисали и безжизненно волочились по булыжнику.

Через минуту двое полицейских вернулись и влезли на грузовик.

– Он что-нибудь сказал? – спросил офицер.

– Нет. Он уже совсем позеленел. Если это позвоночник, он долго не протянет.

– Одним евреем меньше будет, – сказал полицейский, который бил Штайнера.

– Простить! – пробормотал офицер. – Ну и ну. Смешные люди.

– Особенно в наше время, – сказал Штайнер.

Офицер выпрямился.

– Молчать, большевик! – прорычал он. – Мы из вас вашу спесь выьем!

Арестованных доставили в участок на Элизабетпроменаде. Со Штайнера и Керна сняли наручники, потом их посадили вместе с остальными в большую полутемную камеру. Люди сидели молча. Они привыкли ждать. Только толстая блондинка, хозяйка ночлежки, не переставая жаловалась на судьбу.

Около девяти одного за другим стали вызывать наверх. Керна привели в комнату, где находились двое полицейских, писарь в штатском, знакомый офицер и пожилой полицейский комиссар. Комиссар сидел в деревянном кресле и курил сигареты.

– Анкеты, – сказал он человеку за столом.

Писарь был худой прыщавый человек, похожий на селедку.

– Имя? – спросил он неожиданно низким голосом.

– Людвиг Керн.

– Родился?

– Тридцатого ноября тысяча девятьсот четырнадцатого года в Дрездене.

– Значит, немец?

– Нет. Не имею подданства. Выселен.

Комиссар поднял глаза.

– Ведь вам двадцать один? Что же вы натворили?

– Ничего. Мой отец был выслан. Так как я был тогда несовершеннолетний, то и я тоже.

– А почему ваш отец?..

Керн замолчал на мгновение. Год эмиграции научил его следить за каждым своим словом при разговоре с властями.

– На него поступил ложный донос как на политически неблагонадежного, – сказал он наконец.

– Еврей? – спросил писарь.

– По отцу. Мать немка.

– Ага.

Комиссар стряхнул на пол пепел сигареты.

– Почему же вы не остались в Германии?

– У нас отобрали паспорта и выслали. Если бы мы остались, нас бы посадили. А если уж сидеть, то лучше в другой стране, а не в Германии.

Комиссар сухо засмеялся.

– Могу себе представить. Как же вы без паспорта перешли через границу?

– На чешской границе тогда было достаточно простой справки с места жительства. У нас она еще была. С такой бумажкой в Чехословакии можно было жить три дня.

– А потом?

– Мы получили временную прописку. На три месяца. Потом нам снова пришлось уехать.

– Вы уже давно в Австрии?

– Три месяца.

– Почему вы не сообщили в полицию?

– Потому что тогда бы меня выселили.

– Гм. – Комиссар похлопал по ручке кресла. – Откуда вам это известно?

Керн умолчал, что, когда он и его родители в первый раз перешли австрийскую границу, они сразу же сообщили в полицию. В тот же день их отправили обратно.

Перейдя через границу во второй раз, они больше не сообщали об этом в полицию.

– Может быть, это не так? – спросил он.

– Не задавайте вопросов. Ваше дело – отвечать, – грубо оборвал писарь.

– Где теперь ваши родители? – спросил комиссар.

– Мать в Венгрии. Ее там прописали. У нее венгерское происхождение. Отец был арестован и выслан, когда меня не было в отеле. Я не знаю, где он!

– Ваша профессия?

– Был студентом.

– На что вы жили?

– У меня было немного денег.

– Сколько?

– Здесь двенадцать шиллингов. Остальное у знакомых. – Кроме этих двенадцати шиллингов, у Керна не было ни гроша. Он заработал их, торгуя мылом, духами и туалетной водой. Но если бы он в этом сознался, его оштрафовали бы за противозаконный труд.

Комиссар встал и зевнул.

– Это последний?

– Еще один внизу, – сказал писарь.

– Будет то же самое. Много шума из ничего. – Комиссар покосился на офицера. – Одни только иностранцы без прописки. Не похоже на коммунистический заговор, а? Кто сделал заявление?

– Хозяин такой же дыры. Только с клопами, – сказал писарь. – Конкуренция, вероятно.

Комиссар засмеялся. Вдруг он заметил, что Керн еще в комнате.

– Увести. Сами знаете, что положено: четырнадцать дней ареста и выселение. – Он еще раз зевнул. – Пойду съем гуляш и выпью пива.

Керна привели в камеру меньше прежней. Кроме него в ней находилось еще пять арестованных: в том числе поляк из пансиона. Через четверть часа привели и Штайнера. Он сел около Керна.

– Первый раз в тюрьме, малыш?

Керн кивнул.

– Ну и как? Чувствуешь себя убийцей?

Керн скривил губы:

– Вроде того. Вы знаете, тюрьма... у меня еще старые представления об этом.

– Это еще не тюрьма, – поучал его Штайнер. – Это каталажка. Тюрьма будет потом.

– Ты уже был?

– Да. Сперва тяжело. Потом легче. Особенно зимой. По крайней мере, спокойно. Человек без паспорта – это труп в отпуске. Ему остается только покончить с собой, больше ничего.

– А с паспортом? С паспортом все равно не получишь разрешения на работу.

– Конечно, нет. Зато получишь право подышать с голоду совершенно спокойно. А не на бегу. Это уже много.

Керн смотрел прямо перед собой. Штайнер похлопал его по плечу:

– Выше голову, крошка. Зато ты имеешь счастье жить в двадцатом веке – а это век культуры, прогресса и человечности.

– Здесь что, совсем не кормят? – спросил маленький человечек с лысиной, сидевший в углу на нарах. – Даже кофе не дают?

– Надо только позвонить кельнеру, – ответил Штайнер. – Он обязан принести меню. Имеются четыре меню на выбор. И разумеется, икра.

– Еда здесь плохо, – сказал поляк.

– Ох, да это наш Иисус Христос! – Штайнер с интересом рассматривал поляка. – Ты здесь свой?

– Еда плохо, – повторил поляк. – И мало еда.

– О боже! – сказал лысый из угла. – А у меня жареная курица в чемодане. И когда они нас только выпустят?

– Через две недели, – ответил Штайнер. – Обычный срок для эмигрантов без документов. Так, что ли, Иисус Христос? Ты-то знаешь!

– Четырнадцать дней, – подтвердил поляк. – Или больше. Еда очень мало. Очень плохо. Суп жидкий.

– Черт возьми! За это время курица испортится. – Лысый застонал. – Моя первая пулярка за два года. Копил на нее, собирал гроши. Хотел съесть сегодня на обед.

– Потерпите до вечера, – сказал Штайнер. – Вечером вы сможете вообразить, что вы ее уже съели. Вам станет легче.

– Что? Что за чушь вы несете? – Человек возмущенно посмотрел на Штайнера. – По-вашему, это одно и то же? Не говорите ерунды. Я ведь ее не ел. И кроме того, я бы оставил кусок на завтра.

– Тогда подождите до завтра.

– Мне это не есть плохо, – вмешался поляк. – Курица не ем.

– Еще бы, тебе плохо! У тебя же нет ее в чемодане, – возмущался человек в углу.

– И если бы был, мне не есть плохо! Не ем этот курица! Не любить. Тошнить потом! – Поляк выглядел очень довольным и рукой расчесывал бороду. – Мне не есть плохо без этот курица.

– Господи, да кому до вас дело? – закричал исступленно лысый.

– Даже если курица здесь – я не ел бы его! – объявил поляк с триумфом.

– Боже милостивый! Уже слыхали об этом! – Владелец курицы в отчаянии закрыл лицо руками.

– Пуляркой его не проймешь, – сказал Штайнер. – Наш Иисус Христос обладает на этот счет иммунитетом. Прямо Диоген в смысле жареных кур. А как насчет вареных?

– Тоже нет, – заявил поляк решительно.

– А если с перцем?

– Вообще не ел курица. – Поляк сиял.

– Я сойду с ума! – завопил владелец курицы, подвергаемый смертным мукам.

Штайнер обернулся.

– А яйца, Иисус Христос? Куриные яйца?

Сияние пропало.

– Яйки – да, яйки – очень вкусно. – На растрепанную бороду лег отсвет скорби. – Очень вкусно.

– Благодарение небу! Наконец-то уязвимое место в этом чуде совершенства!

– Яйки очень вкусно, – заверил поляк. – Четыре штук, шесть, двенадцать штук, варить шесть штук, другие жарить. И жареный картошка. Жареный картошка с салом.

– Я не могу больше этого слышать! Заткните этого обжору Иисуса! – бесновалась курица в чемодане.

– Господа, – произнес мягкий бас с русским акцентом, – зачем так нервничать из-за фантазии. У меня здесь бутылка водки. Позвольте вас просить. Водка согревает сердце и успокаивает душу. – Русский раскупорил бутылку, отпил и протянул бутылку Штайнеру. Тот сделал глоток и передал ее Керну. Керн покачал головой.

– Пей, крошка, – сказал Штайнер. – Так надо. Учись.

– Водка очень хорошо, – подтвердил поляк.

Керн сделал глоток и передал бутылку поляку, который привычным жестом опрокинул ее в глотку.

– Он все выдует, этот помешанный на яйцах! – проворчал человек с пуляркой и вырвал бутылку. – Осталось совсем немного, – сказал он с сожалением, отпив из бутылки и возвращая ее русскому.

Тот сделал отрицательный жест.

– Ничего. Я выхожу сегодня вечером.

– Вы в этом уверены? – спросил Штайнер.

Русский слегка поклонился.

– Я готов сказать: к сожалению. Как русский, я имею паспорт Нансена⁴.

– Паспорт Нансена! – повторила с почтением пулярка. – Вы принадлежите в таком случае к аристократии бездомных.

– Весьма сожалею, что вам не посчастливилось так, как мне, – вежливо сказал русский.

– За вами все преимущества, – ответил Штайнер. – Вы были первыми. Вам принадлежало сострадание мира. Нам почти ничего не осталось. Нас еще жалеют, но мы обременительны и нежелательны.

Русский пожал плечами. Затем он протянул бутылку последнему человеку в камере, который до сих пор сидел молча.

– Прошу покорно выпить с нами.

– Благодарю, – ответил человек, отказываясь. – Я не принадлежу к вашему обществу.

Все посмотрели на него.

– У меня есть паспорт, родина, разрешение на прописку и разрешение на работу.

Все замолчали.

– Простите мой вопрос, – сказал через мгновение русский после некоторого колебания, – почему же вы тогда здесь?

– Из-за моей профессии, – возразил человек высокомерно. – Я не какой-нибудь сомнительный беженец без документов. Я порядочный шулер и карманный вор со всеми правами гражданства.

На обед был жидкий фасолевый суп без фасоли. На ужин – то же самое, только теперь это называлось кофе, и к нему полагался кусок хлеба. В семь часов грохнула дверь. Русского выпустили, как он и предсказывал. Он протиснулся со всеми, как со старыми знакомыми.

– Через две недели я загляну в кафе «Шперлер», – сказал он Штайнеру. – Может быть, вы уже будете там, а мне удастся что-либо узнать. До свидания!

В восемь часов полноправный гражданин и шулер дозрел и присоединился к обществу. Он вынул пачку сигарет и пустил ее по кругу. Все закурили. Благодаря сумеркам и тлеющим сигаретам камера стала почти по-домашнему уютной. Карманный вор рассказал, что здесь его держат только для порядка: проверяют, нет ли за ним дела за последние полгода. Он не думает, что ему что-нибудь пришьют. Потом он предложил сыграть и, как по волшебству, извлек из своей куртки колоду карт.

Стало темно, электричества не зажгли. Шулер был готов к этому. Еще один волшебный жест – появились свеча и спички. Свечу укрепили на выступе стены. Она давала тусклый, неровный свет.

Поляк, пулярка и Штайнер потеснились.

– Играть без денег? – спросила пулярка.

– Разумеется, – шулер улыбнулся.

– А ты? – спросил Штайнер Керна.

– Я не умею играть в карты.

– Надо учиться, крошка. Что же ты будешь делать по вечерам?

– Завтра. Сегодня не могу.

Штайнер обернулся. Слабый свет прорезал глубокие морщины на его лице.

⁴ Ф. Нансен – известный норвежский путешественник и ученый. По его инициативе Лигой Наций были введены временные удостоверения личности, заменявшие паспорта (нансеновские паспорта), для лиц без гражданства и беженцев. – *Здесь и далее примеч. перев.*

– Что с тобой?

Керн покачал головой:

– Ничего. Устал немного. Я лягу на нары.

Шулер уже тасовал карты. Он делал это очень элегантно, прорезая колоду, карты шелкали.

– Кто сдает? – спросила пулярка.

Полноправный гражданин сдал. Поляк вытащил девятку, пулярка – даму, Штайнер и шулер – по тузу.

Шулер поднял глаза:

– Прикупаю.

Он вытянул карту. Снова туз. Улыбнулся и передал колоду Штайнеру. Тот небрежно открыл нижнюю карту колоды: вышел крестовый туз.

– Вот так совпадение, – засмеялась пулярка.

Шулер не смеялся.

– Откуда вы знаете этот трюк? – поражено спросил он Штайнера. – Вы из наших?

– Нет, любитель. Поэтому меня вдвойне радует признание профессионала.

– Не в том дело! – шулер посмотрел на него. – Это, собственно, мой трюк.

– Ах так! – Штайнер раздавил сигарету. – Я научился ему в Будапеште. В тюрьме перед высылкой. У некоего Кетчера.

– Кетчер! Теперь понятно! – карманный вор облегченно вздохнул. – Значит, от Кетчера. Это мой ученик. Вы хорошо усвоили.

– Да, – сказал Штайнер, – путешествия расширяют кругозор.

Шулер передал ему карты и испытующе посмотрел на пламя свечи.

– Свет плохой – но мы ведь, разумеется, играем для души. Господа, не так ли? Так что не передергивать...

Керн лег на нары и закрыл глаза. Он был полон смутной серой тоски. С момента утреннего допроса он не переставая думал о родителях – в первый раз снова после долгого времени. Он вспомнил, как отец вернулся из полиции. Чтобы присвоить маленькую лабораторию по производству лечебного мыла, парфюмерии и туалетной воды, принадлежавшую отцу, один из конкурентов донес на него гестапо, обвинив его в антиправительственных высказываниях. План удался, как удавались в то время тысячи подобных планов. После шести недель ареста отец Керна вернулся домой совершенно сломленным человеком. Он никогда не говорил об этом; но он продал свою фабрику конкуренту по смехотворной цене. Потом последовало выселение, и начался побег без конца. Из Дрездена в Прагу, из Праги в Брюнн⁵, оттуда ночью через границу в Австрию; на следующий день по полицейскому приказу обратно в Чехию; через два дня снова тайно в Вену; ночь, лес, мать с переломанной рукой, неумело, наспех прибинтованной к шине из двух веток; потом из Вены в Венгрию; снова полиция; прощание с матерью, которая могла остаться, потому что была венгерского происхождения; снова граница; снова Вена; жалкая торговля вразнос мылом, туалетной водой, подтяжками и шнурками; вечный страх, что донесут или схватят; вечер, когда не вернулся отец; месяцы в одиночестве, из одного укрытия в другое...

Керн повернулся. При этом он кого-то задел. Он открыл глаза. На нарах около него лежал последний обитатель камеры, похожий в темноте на черный тюк. Это был мужчина лет пятидесяти, который за весь день почти ни разу не пошевелился.

– Простите, – сказал Керн, – я не видел...

Человек не ответил. Керн заметил, что глаза у него открыты. Он знал такое состояние: он часто наблюдал его за время своих скитаний. Самое лучшее тогда – оставить человека в покое.

⁵ Брно.

– Ах, проклятье! – раздался вдруг из угла, где играли в карты, голос пулярки. – Я дурак. Я непроходимый дурак.

– Почему? – спросил спокойно Штайнер. – Дама червей была очень кстати.

– Да я не о том! Ведь этот русский мог бы прислать мне пулярку. Господи, я безмозглый идиот. Я просто безнадежный идиот! – Он озирался с таким видом, словно наступил конец света.

Керн заметил вдруг, что смеется. Он не хотел смеяться. Но он просто вдруг не мог остановиться. Он смеялся так, что его всего трясло, и он не знал почему. Что-то смеялось внутри него и смешивало все в один комок: тоску, прошлое и все мысли.

– Что с тобой, крошка? – спросил Штайнер, отрывая взгляд от карт.

– Я не знаю. Я смеюсь.

– Смеяться всегда полезно. – Штайнер вытянул пикового короля и намертво убил козырем бессловесного поляка.

Керн взял сигарету. Все вдруг показалось ему очень простым. Он решил завтра научиться играть в карты, и у него было странное чувство, словно это решение изменит всю его жизнь.

II

Через пять дней шулера отпустили. Никакой вины за ним не нашли. Со Штайнером они расстались друзьями. Шулер использовал время для завершения образования Штайнера, столь успешно начатого Кетчером. На прощание он подарил ему колоду карт, и Штайнер начал просвещать Керна. Он научил его играть в скат, ясс, тарок и покер; в скат – для эмигрантов, в ясс – для Швейцарии, в тарок – для Австрии и в покер – на все прочие случаи.

Через две недели Керна вызвали наверх. Инспектор ввел Керна в комнату, где сидел какой-то пожилой мужчина. Помещение показалось Керну огромным и таким светлым, что он должен был зажмуриться: он уже привык к камере.

– Вы Людвиг Керн, родились в Дрездене тридцатого ноября тысяча девятьсот сорок четвертого года, студент, подданства не имеетесь? – спросил равнодушно человек и заглянул в бумагу.

Керн кивнул. Говорить он не мог. У него вдруг перехватило горло. Мужчина поднял глаза.

– Да, – сказал Керн хрипло.

– Вы проживали в Австрии без документов и без прописки. – Мужчина быстро зачитывал протокол. – Вы были приговорены к четырнадцати дням заключения, которые в настоящее время истекли. Вы высылаетесь из Австрии. Всякое возвращение наказуемо. Вот судебное постановление о высылке. Здесь вы должны расписаться в том, что вам известно о постановлении, и в том, что возвращение наказуемо. Здесь, справа.

Мужчина зажег сигарету. Керн, как зачарованный, смотрел на его руку с крупными порами и толстыми жилами, которая держала спички.

Через два часа этот человек запрет свой стол и отправится ужинать, потом он, наверное, сыграет в тарок и выпьет пару стаканов хойригена, около одиннадцати он зевнет, уплатит по счету и заявит: «Я устал. Иду домой. Спать».

...Домой. Спать. В то же самое время пограничные леса и поля поглотит темнота. Темнота, страх, чужбина, где затеряется крошечная мерцающая искра жизни, Людвиг Керн, одинокий, усталый, спотыкающийся, полный тоски по людям и страха перед людьми. И все это только потому, что его и скучающего чиновника за столом разделяет клочок бумаги, называемый паспортом. Их кровь имеет одинаковую температуру, глаза – одинаковое строение, их нервы реагируют на одни и те же раздражители, мозг работает аналогично, и все же их разделяет пропасть, они ни в чем не равны, покой одного – мучение для другого, один – власть

имуший, другой – отверженный, и пропасть, которая их разделяет, – всего лишь маленький клочок бумаги, на котором написано только имя и несколько ничего не значащих дат.

– Здесь, справа, – сказал чиновник. – Имя и фамилию.

Керн взял себя в руки, подписал.

– На какую границу вас доставить? – спросил чиновник.

– На чешскую.

– Хорошо. Через час отправка. Вас кто-нибудь доставит.

– У меня остались кое-какие вещи в отеле, где я живу. Я могу их взять?

– Какие вещи?

– Чемодан с бельем и тому подобное.

– Хорошо. Скажите чиновнику, который доставит вас на границу. Вы сможете заехать по дороге.

Инспектор проводил Керна вниз и взял с собой наверх Штайнера.

– Что случилось? – спросила с любопытством пулярка.

– Через час выходим отсюда.

– Иезус Крестус! – сказал поляк. – Снова та же волынка!

– Ты что, хочешь остаться? – спросила пулярка.

– Если еда хороший и маленький должность как уборщик – охотно, да.

Керн вынул носовой платок и, как смог, почистил костюм. За эти четырнадцать дней его рубашка совсем потемнела от грязи. Он опустил манжеты. Все это время он их очень берегал. Поляк посмотрел на него.

– Через год-два тебе будет все равно, – предсказал он.

– Ты куда? – спросила пулярка.

– В Чехию. А ты? В Венгрию?

– В Швейцарию. Я это дело обдумал. Хочешь со мной? Оттуда попробуем просочиться во Францию.

Керн покачал головой.

– Нет, я – в Прагу.

Через несколько минут вернулся Штайнер.

– Знаешь, как зовут того полицейского, который во время ареста ударил меня по лицу? – спросил он Керна. – Леопольд Шефер. Он живет по Траутенаугассе, 27. Они мне вычитали это из протокола. Конечно, не то, что он меня ударил. Только что я ему угрожал. – Он посмотрел на Керна. – Ты думаешь, я забуду фамилию и адрес?

– Нет, – сказал Керн. – Конечно, нет.

– Я тоже так думаю.

За Керном и Штайнером зашел чиновник уголовной полиции в штатском.

Керн был возбужден. В дверях он непроизвольно остановился. Открывшийся вид был так великолепен, что Керну показалось, будто мягкий южный ветер ударил ему в лицо. Над домами было синее, чуть сумрачное небо, островерхие крыши сверкали в последнем красном свете солнца, мерцал Дунай, а по улицам сквозь поток спешащих домой и прогуливающих пешеходов пробирались сверкающие автобусы. Совсем близко промелькнула стайка смеющихся девушек в светлых платьях. Керну казалось, что он никогда еще не видел такой красоты.

– Пошли, – сказал чиновник в штатском.

Керн вздрогнул и смущенно оглядел себя. Он заметил, что один из прохожих бесцеремонно его разглядывает.

Они шли по улицам, чиновник посередине. В многочисленных кафе столики и стулья были выставлены на улицу, и везде сидели радостные, весело болтающие люди. Керн опустил голову и пошел быстрее. Штайнер смотрел на него с добродушной насмешкой.

– Что, малыш, все это не для нас, а?

– Да, – ответил Керн и стиснул зубы.

Они пришли в пансион. Хозяйка приняла их со смешанным выражением недовольства и сожаления. Она сразу же выдала им их чемоданы. Все вещи были на месте. В камере Керн собирался надеть чистую рубашку, но теперь, пройдя по улицам, он отказался от этой мысли. Он взял под мышку обшарпанный чемодан и поблагодарил хозяйку.

– Мне очень жаль, что мы причинили вам столько неприятностей, – сказал он.

Хозяйка отмахнулась.

– Дай вам бог удачи и вам, господин Штайнер. Куда же вы теперь?

Штайнер сделал неопределенный жест:

– Куда ползут старые пограничные клопы? От куста к кусту.

Хозяйка постояла мгновение в нерешительности. Потом энергично двинулась к стенному шкафчику орехового дерева, сделанному в виде средневекового замка.

– Возьмите-ка на дорожку. – Она вынула три стакана, бутылку и разлила содержимое по стаканам.

– Сливовица? – спросил Штайнер.

Она кивнула и предложила один стакан чиновнику. Он вытер усы.

– В конце концов, наш брат только выполняет долг, – заявил он.

– Разумеется. – Хозяйка снова наполнила свой стакан. – Почему вы не пьете? – спросила она Керна.

– Я не могу. Так просто, на пустой желудок...

– Ах так. – Хозяйка посмотрела на него испытующе. У нее было пористое холодное лицо, которое вдруг неожиданно потеплело. – Господи, верно, да он ведь еще растет, – пробормотала она. – Франци! – крикнула она. – Принеси бутерброд!

– Спасибо, не нужно, – Керн покраснел. – Я не голоден.

Служанка принесла большой двойной бутерброд с ветчиной.

– Не стесняйтесь, – сказала хозяйка. – Живей!

– Ты не хочешь половину? – спросил Керн Штайнера. – Мне это много.

– Не рассуждай. Ешь, – ответил Штайнер.

Керн съел бутерброд с ветчиной и выпил стакан сливовицы. Потом они простились. На трамвае они доехали до Восточного вокзала. В поезде Керн вдруг почувствовал себя очень уставшим. Дребезжание вагона усыпляло. Мимо скользили дома, фабричные дворы, улицы, сады с высокими ореховыми деревьями, поля, луга и мягкие синие вечерние сумерки. Он был сыт, это действовало на него как хмель. Его мысли смешались, растворились в грезах. Ему грезились белый дом среди цветущих каштанов, делегация чиновников в сюртуках, торжественно вручающая ему права почетного гражданина, и диктатор в униформе, стоящий перед ним на коленях и умоляющий о прощении.

Было почти темно, когда они прибыли на таможеню. Чиновник в штатском передал их таможеннику и исчез в сиреневых сумерках.

– Еще рано, – сказал таможенник, который пропускал автомобили. – Самое лучшее время около половины десятого.

Керн и Штайнер уселись на скамью перед дверью и смотрели, как подходили автомобили. Через некоторое время пришел второй таможенник. Он повел их по тропинке, ведущей направо от таможни. Они прошли по полю, пахнущему землей и росой, мимо нескольких домов с освещенными окнами, миновали рощицу. Через некоторое время чиновник остановился.

– Пойдете дальше до Моравы. Держитесь левой стороны, чтобы оставаться в тени кустарника. Река сейчас мелеет. Вы ее легко перейдете вброд.

Они пошли, теперь уже одни. Было очень тихо. Через несколько минут Керн оглянулся. На горизонте маячил черный силуэт чиновника. Он наблюдал за ними. Они двинулись дальше.

На берегу Моравы они разделись. Одежду и багаж свернули в один узел. Коричневая болотная вода отливала серебром. На небе были звезды и облака и иногда пробивался месяц.

– Я пойду вперед, – сказал Штайнер. – Я выше ростом.

Они шли вброд. Керн ощущал, как холодная таинственная вода поднимается все выше по телу, словно не желая его отпускать. Перед ним медленно и осторожно пробирался вперед Штайнер. Рюкзак и одежду он держал на голове. Его широкие плечи были облиты белым светом месяца. Посредине реки он остановился и оглянулся. Керн был совсем рядом. Он улыбнулся и кивнул ему.

Они вылезли на противоположный берег и наскоро вытерлись своими носовыми платками. Потом оделись и пошли дальше. Через некоторое время Штайнер остановился.

– Мы перешли через границу, – сказал он. В прозрачном свете месяца его глаза были светлыми и почти стеклянными. Он взглянул на Керна. – Разве здесь другие деревья? Или по-другому пахнет ветер? Разве здесь не те же звезды? Разве иначе умирают здесь люди?

– Нет, – сказал Керн. – Не это. Но я чувствую себя здесь иначе.

Они сели под большим буком, где их скрывала тень. Перед ними простирался пологий луг. Вдали мерцали огни словацкой деревни. Штайнер развязал рюкзак, чтобы найти сигареты. При этом он посмотрел на чемодан Керна.

– Я пришел к выводу, что рюкзак практичнее чемодана. Он не так бросается в глаза. Можно сойти за безобидного туриста.

– Туристов тоже проверяют, – возразил Керн. – Все, что похоже на бедность, проверяют. Лучше всего была бы машина.

Они закурили.

– Через час я пойду назад, – сказал Штайнер. – А ты?

– Я попытаюсь добраться до Праги. Полиция там лучше. Там можно легко получить прописку на пару дней, а дальше будет видно. Может быть, я найду отца и он мне поможет. Я слышал, что он там.

– Ты знаешь, где он живет?

– Нет.

– Сколько у тебя денег?

– Двенадцать шиллингов.

Штайнер порылся в кармане пиджака.

– Вот еще немного. Этого должно хватить до Праги.

Керн поднял глаза.

– Бери спокойно, – сказал Штайнер. – У меня есть еще. – Он показал несколько банкнот. В тени деревьев Керн не мог рассмотреть, какие это были деньги. Мгновение он колебался. Потом взял деньги.

– Спасибо, – сказал он.

Штайнер не ответил. Он курил. Когда он затянулся, сигарета вспыхнула и осветила его скрытое тенью лицо.

– Почему ты, собственно, эмигрант? – спросил нерешительно Керн. – Ты же не еврей?

Штайнер немного помолчал.

– Нет, я не еврей, – сказал он наконец.

Что-то зашуршало сзади них в кустах. Керн вскочил.

– Заяц или кролик, – сказал Штайнер. Потом он повернулся к Керну. – Чтобы ты вспомнил об этом, малыш, если когда-нибудь отчаешься. Тебе удалось уйти оттуда, тебе, и твоему отцу, и твоей матери. Мне удалось уйти – но моя жена в Германии. И я ничего о ней не знаю.

Что-то снова зашуршало сзади них. Штайнер загасил сигарету и прислонился к стволу бука. Начало холодать. Над горизонтом висел месяц. Месяц, похожий на кусок мела и такой же безжалостный, как в ту последнюю ночь...

После побега из концлагеря Штайнер неделю скрывался у одного из друзей. Сидел взаперти на чердаке, готовый в любой момент бежать по крыше, если услышит подозрительный шум. Ночью друг приносил ему хлеб, консервы и пару бутылок с водой. На вторую ночь он принес ему несколько книг. Штайнер читал их в течение дня, чтобы отвлечься. Нельзя было зажигать свет и курить. Для прочих надобностей на чердаке стоял горшок в картонной коробке. Ночью друг выносил его, а потом снова приносил наверх. Они должны были быть так осторожны, что не разговаривали между собой даже шепотом: служанки, которые спали рядом, могли услышать и выдать.

– Мария знает? – спросил Штайнер в первую ночь.

– Нет. Дом под наблюдением.

– С ней что-нибудь случилось?

Друг покачал головой и вышел.

Штайнер спрашивал всегда одно и то же. Каждую ночь. На четвертую ночь друг наконец сообщил, что видел ее. Теперь она знает, где Штайнер. Ему удалось ей шепнуть. Утром он ее снова увидит. В толпе, на недельном рынке. Весь следующий день Штайнер писал письмо, которое должен был передать ей друг. Вечером он разорвал письмо. Он не знал, наблюдают ли за ней. Ночью он по той же причине попросил друга больше не встречаться с ней. Еще три ночи он провел на чердаке. Наконец друг принес деньги, билет на поезд и костюм. Штайнер постриг себе волосы и вымыл голову перекисью водорода. Потом сбрил усы. Перед обедом он ушел. У него была куртка, какую носят монтеры, а в руках ящик с инструментами. Штайнер должен был немедленно уходить из города. Но он не выдержал. Он не видел жену уже два года. Он пошел на рынок. Через час он ее увидел. Его начала бить дрожь. Жена прошла мимо, но его не заметила. Штайнер пошел за ней и, нагнав, сказал в спину: «Не оглядывайся. Это я. Иди дальше! Иди дальше!»

Ее плечи задрожали, она откинула голову назад. Потом пошла дальше. Но она шла как во сне, вся отдавшись шепоту, раздававшемуся позади нее.

– Тебе что-нибудь сделали? – спросил голос за ее спиной.

Она покачала головой.

– За тобой следят?

Она кивнула.

– И сейчас?

Она колебалась. Потом покачала головой.

– Я сейчас уйду. Попробую вырваться. Я не могу тебе писать. Это опасно для тебя. – Она кивнула. – Ты должна со мной развестись. – Женщина на секунду задержала шаг. Потом пошла дальше. – Ты должна со мной развестись. Ты пойдешь завтра туда. Ты скажешь, что разводишься со мной из-за моих убеждений. Ты скажешь, что раньше ни о чем не знала. Ты поняла? – Женщина шла дальше выпрямившись, словно окостенев. – Пойми, – зашептал Штайнер. – Это для твоей безопасности. Я сойду с ума, если они что-нибудь тебе сделают. Ты должна развестись – тогда они оставят тебя в покое. – Женщина не ответила. – Я люблю тебя, Мария, – сказал Штайнер тихо, сквозь зубы, и его глаза вспыхнули от возбуждения. – Я люблю тебя, и я не уйду, пока ты не пообещаешь! Я вернусь обратно, если ты не пообещаешь! Ты слышишь меня? – Наконец женщина кивнула. Ему показалось, что прошла вечность. – Ты обещаешь? – Женщина медленно кивнула. Ее плечи упали. – Я сейчас сверну и выйду справа. Сверни налево и иди мне навстречу. Ничего не говори, ничего не делай! Я хочу тебя видеть. Потом я уйду. Если ты ничего не услышишь, значит, я вырвался.

Женщина кивнула и пошла быстрее.

Штайнер завернул за угол и пошел вверх по проходу между мясными рядами. Перед прилавками торговались женщины с корзинками. Блестевшие на солнце кровавые куски мяса

казались белыми и невыносимо воняли. Мясники орала. Но вдруг все исчезло. Стук топоров по деревянным колодам превратился в тонкий звон косы. Были только березы, скошенный луг, свобода, ветер, любимые шаги, любимое лицо. Их глаза встретились и не могли расстаться, и в них было всё: боль, и счастье, и любовь, и разлука, жизнь, вспыхнувшая огнем на их лицах, страсть, мука, нежность и отречение, неистовое кружение тысяч блестящих ножей.

Они шли навстречу друг другу, и одновременно останавливались, и снова шли, не сознавая ничего. Потом – режущая пустота. Только через несколько мгновений глаза Штайнера снова стали различать цвета и калейдоскоп базара, бессмысленно мелькавший перед его глазами. Он с трудом сделал несколько шагов, потом пошел быстро, насколько это было возможно, чтобы не бросаться в глаза. Он сбил половину свиной туши со стола, покрытого клеенкой, услышал ругательства мясника, похожие на грохот далекого барабана, забежал за угол и остановился.

Он видел, как она уходила с рынка. Она шла очень медленно. На углу улицы она остановилась и обернулась. Так она стояла долго, немного подняв лицо, широко раскрыв глаза. Ветер трепал на ней платье. Штайнер не знал, видит ли она его. Он не решался показаться ей еще раз. Он чувствовал, что она может не выдержать и броситься к нему. Потом она подняла руки и положила их на грудь. Она отдавала ему свою грудь. Она отдавалась ему. Она отдавалась ему в мучительном, бесплодном, слепом объятии, открыв губы, закрыв глаза.

Потом она медленно отвернулась, и темная пропасть улицы поглотила ее.

Через три дня Штайнер перешел через границу. Ночь была светлая и ветреная, на небе стоял месяц, похожий на кусок мела. Штайнер был крепким человеком, но когда он, весь мокрый от холодного пота, пересекал границу, он обернулся назад в ту сторону, откуда шел, и, как в бреду, произнес имя своей жены.

Он вынул новую сигарету. Керн зажег ему спичку.

– Сколько тебе? – спросил Штайнер.

– Двадцать один. Скоро двадцать два.

– Так. Скоро двадцать два. Не до смеха, а, крошка? – Керн покачал головой. Штайнер немного помолчал. Потом сказал: – В двадцать один я был на войне. Во Фландрии. Тоже было не до смеха. Сейчас в сто раз легче. Понимаешь?

– Да, – Керн обернулся. – И это лучше, чем смерть. Я все это знаю.

– Тогда ты много знаешь. До войны такие вещи были известны немногим.

– До войны – это было сто лет тому назад.

– Тысячу. В двадцать два я лежал в лазарете. Там я кое-чему научился. Хочешь знать чему?

– Да.

– Прекрасно. – Штайнер зажмурился. – У меня не было ничего особого. Рана в мякоть, без особой боли. Но рядом со мной лежал мой друг. Не какой-нибудь друг. Мой друг. Осколок попал ему в живот. Он лежал и кричал. Не было морфия, понимаешь? Даже офицерам не хватало. На второй день он так охрип, что только стонал. Умолял, чтоб я его прикончил. Я бы сделал это, если б знал как. На третий день вдруг дали на обед гороховый суп. Пустой гороховый суп с салом. А до того нам давали какие-то помои. Мы ели суп. Были страшно голодны. И пока я жрал этот суп, жрал с наслаждением, как животное, забыв все на свете, я видел за краем тарелки лицо моего друга, искусанные в кровь раскрытые губы. Я видел, что он умирает в муках, через два часа он был мертв, а я жрал, и суп казался мне вкусным, как никогда в жизни.

Он замолчал.

– Но вы же были ужасно голодны, – сказал Керн.

– Нет, не в том дело. Тут другое: кто-то может околевать рядом с тобой, и ты этого не ощущаешь. Сострадание – допустим, но боли-то ты не чувствуешь! Твой живот здоров, в этом

все дело. В полметре от тебя человек в мучениях и столах прощается с жизнью, а ты ничего не ощущаешь. В этом все несчастье мира. Запомни, крошка. Поэтому все так медленно движется вперед. И так быстро назад. Ты веришь в это?

– Нет, – сказал Керн.

Штайнер улыбнулся.

– Понятно. Но при случае поразмысли над этим. Может быть, тебе это поможет.

Он встал.

– Я уйду. Обрато. Таможенник не предполагает, что я вернусь именно сейчас. Он ждал первые полчаса и будет ждать завтра утром. То, что я переберусь именно сейчас, не влезает в его мозги. Таможенная психология. Слава богу, через некоторое время преследуемый всегда становится умнее, чем охотник. Знаешь почему?

– Нет.

– Потому что он ббльшим рискует. – Он похлопал Керна по плечу. – Поэтому евреи самый хитрый народ на свете. Первый закон жизни: опасность обостряет чувства. – Он протянул Керну руку. Она была большая, сухая и теплая. – Желаю удачи. Может быть, увидимся. Я буду по вечерам заходить в кафе «Шперлер». Ищи меня там.

Керн кивнул.

– Ну, желаю удачи. И не забывай карт. Это отвлекает, позволяет не думать. Ты неплохо усвоил ясс и тарок. В покере ты должен больше рисковать.

– Хорошо, – сказал Керн, – я буду больше блефовать. Спасибо. За все.

– Ты должен отвыкать от чувства благодарности. Хотя нет, не отвыкай. Это поможет тебе. Нет, не с людьми, это все равно. Поможет тебе. Если ты сможешь быть благодарным, это согреет тебе душу. И запомни: все, что угодно, лучше, чем война.

– И лучше, чем смерть.

– Смерть я не пережил. Но во всяком случае умирать не надо. Сервус, крошка!

– Сервус, Штайнер!

Керн остался сидеть. Небо прояснилось, ландшафт наполнился покоем. Людей не было видно. Керн молча сидел в тени бука. Светлая прозрачная зелень листьев трепетала над ним как большой парус – словно мягкий ветер гнал землю через бесконечное голубое пространство – мимо сигнальных огней звезд и светящегося бакена месяца.

Керн решил попытаться дойти ночью до Пресбурга⁶, а оттуда – в Прагу. Город – это самое надежное место. Он открыл чемодан, вынул чистую рубашку и пару носков, чтобы переодеться. Он знал, как это важно в случае, если он кого-нибудь встретит. Кроме того, ему хотелось освободиться от ощущения, связанного с тюрьмой.

Стоя обнаженным в лунном свете, Керн чувствовал себя как-то странно. Он казался себе потерянным ребенком. Он быстро схватил чистую рубашку, лежавшую перед ним на траве, и натянул ее на себя. Это была голубая рубашка, очень практичная, потому что она не сразу пачкалась. В лунном свете она казалась бледно-серой и фиолетовой. Керн решил сохранять мужество.

III

Керн прибыл в Прагу после полудня. Он оставил чемодан на вокзале и сразу же пошел в полицию. Он не собирался сообщать о своем прибытии, он просто хотел спокойно обдумать, что ему делать дальше. Лучшим местом для этого было полицейское управление. Там не шныряют полицейские и никто не спрашивает документы.

⁶ Братислава.

Он сел на скамью в коридоре. Напротив находился отдел, занимавшийся отправкой эмигрантов.

– Тот, с бородкой, еще работает? – спросил он человека, сидевшего рядом с ним.

– Не знаю. Тот, которого я знаю, – без бороды.

– Ага. Может быть, его перевели. Как они здесь теперь?

– Ничего, – сказал человек. – На пару дней прописаться можно. Но больше вряд ли. Здесь слишком много эмигрантов.

Керн задумался. Если ему дадут прописку на несколько дней, то он сможет получить в комитете для беженцев талоны на еду и питание. Может быть, на целую неделю. Он знал это еще со своего первого приезда сюда. Если они не дадут ему прописки, ну что ж, он рискнет: пусть они его посадят и переправят обратно через границу.

– Ваша очередь, – сказал человек рядом с ним.

Керн посмотрел на него:

– Хотите, я вас пропущу? У меня есть время.

– Хорошо.

Человек встал и вошел в кабинет. Керн решил посмотреть, что с ним будет, а потом решать, входить ему или нет. Он беспокойно ходил взад и вперед по коридору. Наконец человек вышел. Керн бросился к нему.

– Ну что? – спросил он.

– Десять дней! – человек сиял. – Какое счастье! И не спрашивал ничего. Наверное, в хорошем настроении. А может, сегодня меньше народу. Простой раз мне дали только пять дней.

Керн сделал над собой усилие:

– Теперь я тоже попытаюсь.

У человека не было бородки. Однако он показался Керну знакомым. Возможно, он за это время успел сбрить бороду.

Он вертел в руках изящный перочинный ножик с перламутровой рукояткой и смотрел на Керна усталым рыбьим взглядом.

– Эмигрант?

– Да.

– Из Германии?

– Да. Сегодня прибыл.

– Есть какие-нибудь бумаги?

– Нет.

Человек кивнул. Он закрыл лезвие своего ножика и открыл штопор. Керн заметил, что в перламутровой рукоятке помещалась еще и пилка для ногтей. Чиновник начал осторожно шлифовать ноготь на большом пальце.

Керн ждал. Ему казалось, что ноготь этого усталого человека для него сейчас важнее всего на свете. Он едва решался дышать, чтобы не помешать и не разозлить чиновника. Он только крепко сжал за спиной руки.

Наконец ноготь был готов. Чиновник удовлетворенно оглядел его, потом поднял взгляд на Керна.

– Десять дней, – сказал он. – Можете оставаться здесь десять дней. Потом вы должны уехать.

Напряжение Керна резко разрядилось. Ему показалось, что он упадет, но он только глубоко вздохнул. Потом он быстро взял себя в руки. Он научился пользоваться случаем.

– Я был бы вам очень благодарен, если бы смог остаться здесь на четырнадцать дней, – сказал он.

– Невозможно. А почему вы об этом просите?

– Я жду, что мне пришлют документы. Для этого мне нужен определенный адрес. Тогда я смог бы уехать в Австрию.

Керн боялся все испортить в последний момент – но раскаиваться было уже поздно. Он лгал легко и быстро. Он предпочел бы сказать правду, но знал, что должен лгать. Чиновник, в свою очередь, знал, что должен поверить в эту ложь, поскольку не было возможности установить истину. Оба почти верили, что говорят правду.

Чиновник закрыл штопор своего ножика.

– Хорошо, – сказал он. – В порядке исключения четырнадцать дней. Но потом никаких продлений.

Он взял бланк и начал писать. Керн смотрел на него так, словно писал архангел. Он не мог поверить, что все так ловко устроилось. До последнего момента он ждал, что чиновник заглянет в картотеку и увидит, что Керн уже дважды был в Праге. На всякий случай он назвал другое имя и другую дату рождения. Потом он всегда сможет сказать, что тогда был его брат.

Но чиновник был слишком измучен, чтобы заглядывать куда бы то ни было. Он подвинул Керну бланк.

– Здесь распишитесь. За вами есть еще кто-нибудь?

– Нет, по-моему, никого. По крайней мере не было.

– Хорошо.

Человек вынул носовой платок и начал любовно чистить перламутровую рукоятку своего ножика. Он больше не замечал Керна. Керн поблагодарил и вышел так быстро, словно боялся, что у него могут отобрать его бумагу.

Только у ворот здания он остановился и оглянулся. Господи боже, думал он, подавленный свалившимся на него счастьем. Господи, боже милостивый! Я вернулся – и меня не посадили! Четырнадцать дней я могу не бояться, четырнадцать длинных дней и четырнадцать ночей, целая вечность! Да благословит небо человека с перламутровым ножом! Дай ему бог найти еще один такой же ножик с водонепроницаемыми часами и золотыми ножницами внутри! Рядом, у входа, стоял полицейский. Керн нащупал бумагу в своем кармане. Приняв решение, он подошел к полицейскому.

– Который час, вахмистр? – спросил он.

У него были часы. Но слишком уж странным ощущением было отсутствие страха перед полицейским.

– Пять, – буркнул полицейский.

– Спасибо. – Керн медленно спускался по лестнице. Ему хотелось бежать бегом. Только теперь он поверил, что все это было правдой.

Большая приемная комитета по делам беженцев была переполнена людьми. Несмотря на это, она странным образом казалась пустой. В полутьме как тени сидели и стояли люди. Почти никто не разговаривал. Все, что касалось каждого из них, было сотни раз сказано и повторено. Теперь оставалось только одно – ждать. Это был последний барьер перед отчаянием.

Больше половины присутствующих были евреи. Около Керна сидел бледный человек с грушевидным черепом, который держал на коленях футляр со скрипкой. Напротив сторбленный старик со шрамом на бугристом лбу нервно сжимал и разжимал руки. Рядом сидели, тесно прижавшись друг к другу, светловолосый юноша и девушка. Они крепко держались за руки, словно боялись, что, если хоть на минуту ослабят внимание, их оторвут друг от друга. Они не смотрели друг на друга, они смотрели куда-то в пространство, куда-то в прошлое, и их глаза были пустыми от нежности. Сзади них сидела толстая женщина, которая беззвучно плакала. Слезы стекали из ее глаз по щекам, по подбородку, на платье; она не обращала на это внимания и не пыталась сдерживаться. Ее руки неподвижно лежали на коленях. В обстановке этой молчаливой печали и отчаяния непринужденно играл ребенок. Это была девочка лет шести.

Живая и нетерпеливая, с блестящими глазами и черными локонами, она ни секунды не стояла на месте. Перед человеком с грушевидным черепом девочка остановилась. Мгновение она смотрела на него, потом показала на футляр, который он держал на коленях.

– Там скрипка? – спросила она звенящим требовательным голосом.

Человек минуту смотрел на ребенка, словно не понимая. Потом кивнул.

– Покажи, – сказала девочка.

– Зачем?

– Я хочу посмотреть.

Скрипач колебался мгновение, потом он открыл футляр и вынул инструмент. Скрипка была завернута в шелковый лоскут фиолетового цвета. Он осторожно развернул лоскут.

Девочка долго смотрела на скрипку. Потом она тихонько подняла руку и потрогала струны.

– Почему ты не играешь? – спросила она.

Скрипач не отвечал.

– Сыграй что-нибудь, – повторила девочка.

– Мириам! – крикнула из другого угла комнаты женщина с грудным ребенком на коленях.

Ее голос звучал тихо и подавленно. – Иди ко мне, Мириам!

Девочка не слушала. Она смотрела на скрипача.

– Ты не умеешь играть?

– Я умею играть, но...

– Почему же ты тогда не играешь?

Скрипач смущенно огляделся. Его большая разработанная ладонь обнимала гриф инструмента. Люди начали обращать на него внимание. Он не знал, куда смотреть.

– Я же не могу здесь играть, – заявил он наконец.

– Почему? – спросила девочка. – Поиграй. Здесь скучно.

– Мириам! – крикнула мать.

– Ребенок прав, – сказал старик со шрамом, сидевший около скрипача. – Сыграйте. Может быть, это немного отвлечет нас всех. Это ведь, очевидно, не запрещается.

Скрипач колебался еще мгновение. Потом он вынул из футляра смычок, подтянул его и положил скрипку на плечо. Чистый ясный звук поплыл по комнате.

У Керна было такое ощущение, словно что-то коснулось его. Словно чья-то рука что-то перевернула в нем. Он пытался сопротивляться – и не мог. Он чувствовал это кожей. Она вдруг стянулась, как в ознобе. Потом расправилась, и осталось только тепло.

Дверь кабинета отворилась. Появилась голова секретаря. Он вышел в приемную, оставив дверь в кабинет открытой. Дверь была ярко освещена. В кабинете уже горел свет. Маленькая искривленная фигурка секретаря вырисовывалась в дверном проеме темным пятном. Он, видно, хотел что-то сказать, но ничего не сказал. Он слушал, склонив голову на плечо. Медленно и бесшумно, словно ее притворила невидимая рука, дверь за ним закрылась. Осталась только скрипка. Она заполнила тяжелый мертвый воздух комнаты, и казалось, что все изменилось, что немое одиночество многих маленьких существ, сгорбившихся в тени стен, слилось в одну великую печаль, в один общий жалобный стон.

Керн положил руки на колени. Он опустил голову и отдался течению. У него было такое чувство, что поток уносит его куда-то прочь из комнаты, далеко – к себе самому и к чему-то неизвестному. Маленькая черноволосая девочка сидела на корточках около скрипача. Она сидела тихо и неподвижно и смотрела на него не отрываясь.

Скрипка замолчала. Керн немного играл на фортепьяно и понимал в музыке настолько, чтобы оценить великолепное исполнение.

– Шуман? – спросил старик со шрамом.

Скрипач кивнул.

– Сыграй еще, – сказала девочка. – Сыграй что-нибудь, чтобы смеяться. Здесь очень грустно.

– Мириам! – тихо окликнула мать.

– Хорошо, – сказал скрипач. Он снова поднял смычок.

Керн оглянулся. Он увидел опущенные головы и откиннутые назад белеющие в полутьме лица, он увидел печаль, отчаяние и мягкое просветление на их лицах, вызванное на несколько мгновений звуками скрипки, и он подумал о том, что видел много таких комнат, наполненных отверженными, чья единственная вина заключалась в том, что они родились и жили на свете. Это было, и в то же время была такая музыка. Это казалось непостижимым. Это было бесконечным утешением и одновременно чудовищной насмешкой. Керн видел, что голова скрипача лежала на скрипке, как на плече возлюбленной. «Я не погибну, – думал он, следя, как в большой комнате сгущались сумерки, – я не хочу погибать, жизнь прекрасна и полна желаний, а я еще не знаю ее, эта мелодия – это крик, зов в далекие леса, в неизвестные дали, в неизведанные ночи, я не хочу погибать!»

Только через несколько мгновений он заметил, что стало тихо.

– Что это было? – спросила девочка.

– Это были «Немецкие танцы» Франца Шуберта, – хрипло произнес скрипач.

Старик рядом с ним рассмеялся.

– «Немецкие танцы»! – Он провел рукой по шраму на лбу. – «Немецкие танцы», – повторил он.

Секретарь зажег свет.

– Следующий, – сказал он.

Керн получил направление в отель Бристоль и десять талонов в столовую на Венцельс-платц⁷. Получив талоны, он почувствовал, что голоден. Он почти бежал по улицам, боясь опоздать.

Он не ошибся. Все места в столовой были заняты, и ему пришлось ждать. Среди посетителей он заметил своего бывшего университетского профессора. Он уже хотел подойти и поздороваться, потом опомнился и отказался от этой мысли. Он знал, что многие эмигранты не любят, когда им напоминают о прошлой жизни.

Потом вдруг он заметил, что вошел скрипач и в нерешительности остановился. Керн помахал ему. Скрипач удивленно посмотрел на него и медленно приблизился. Керн смутился. Когда он увидел скрипача, ему показалось, что они давно знакомы; только теперь он сообразил, что они ни разу не разговаривали.

– Простите, – сказал он. – Я слышал, как вы играли, и я подумал, что вы здесь ничего не знаете.

– Так оно и есть. А вы?

– Я здесь уже был два раза. Вы давно из Германии?

– Четырнадцать дней. Сюда я приехал только сегодня.

Керн заметил, что профессор и его сосед встали из-за стола.

– Там освободились два места, – быстро сказал он. – Пошли!

Они протискивались между столами. Профессор шел им навстречу по узкому проходу. Он неуверенно посмотрел на Керна и остановился.

– Мы не знакомы?

– Я был одним из ваших учеников, – сказал Керн.

⁷ Вацлавская площадь.

– Ах так. Да... – профессор кивнул. – Скажите, вы не знаете людей, которым может понадобиться пылесос? Десять процентов скидки, оплата в рассрочку? Или граммофоны со встроенным радио?

Керн опешил, но только на мгновение. Профессор был крупнейшим специалистом в области рака.

– Нет, к сожалению, не знаю, – сказал он сочувственно. Он знал, что значит пытаться продавать пылесосы и граммофоны.

– Так я и предполагал. – Профессор посмотрел на него отсутствующим взглядом. – Прошу прощения, – произнес он, словно обращаясь к кому-то другому, и пошел прочь.

На обед был перловый суп с говядиной. Керн мгновенно опорожнил свою тарелку. Подняв глаза, он увидел, что скрипач сидит, положив руки на стол, не притрагиваясь к еде.

– Вы не едите? – спросил Керн с изумлением.

– Я не могу.

– Вы больны? – Грушевидный череп скрипача казался желтым и бесцветным в известковом свете голых лампочек, свисающих с потолка. – Надо есть, – сказал Керн.

Скрипач не ответил. Он зажег сигарету и глубоко затянулся. Потом отодвинул тарелку в сторону.

– Так нельзя жить! – вдруг выдохнул он.

Керн взглянул на него.

– У вас нет паспорта? – спросил он.

– Есть. Но... – Скрипач нервно раздавил сигарету. – Но так же нельзя жить! Без всего. Без почвы под ногами!

– Боже мой, – сказал Керн. – У вас есть паспорт и есть ваша скрипка...

Скрипач поднял глаза.

– При чем здесь это, – возразил он раздраженно. – Вы разве не понимаете?

– Понимаю.

Керн был безмерно разочарован. Он думал, что человек, который умеет так играть, должен быть чем-то особенным. Что у него можно чему-то научиться. И вот перед ним сидит отчаявшийся человек, который кажется ему упрямым ребенком, хотя он, Керн, лет на пятнадцать моложе. «Первая стадия эмиграции, – подумал он. – Ничего, успокоится».

– Вы действительно не будете есть суп? – спросил он.

– Нет.

– Тогда отдайте мне. Я еще голоден.

Скрипач пододвинул к нему суп. Керн медленно съел все. Каждая ложка вливалась энергию, необходимую для сопротивления, и он не хотел потерять ни капли. Потом он встал.

– Спасибо за суп. Мне было бы приятнее, если бы вы съели его сами.

Скрипач посмотрел на него. Его лицо было изрезано глубокими морщинами.

– Вы еще многого не понимаете, – сказал он, отмахнувшись.

– Это легче понять, чем вы думаете, – возразил Керн. – Вы несчастны, вот и все.

– Вот и все?

– Да. Сначала кажется, в этом есть что-то особенное. Но вы со временем заметите, что несчастье – самая будничная вещь на свете.

Он вышел. К своему удивлению, он увидел на другой стороне улицы профессора, расхаживавшего взад и вперед.

У него была характерная манера закладывать руки за спину и слегка наклонять голову. Точно так же он расхаживал обычно перед кафедрой, объясняя какое-нибудь новое запутанное понятие онкологии. Только теперь он, вероятно, думал о пылесосах и граммофонах.

Керн поколебался секунду. Он никогда бы первым не заговорил с профессором. Но теперь, после разговора со скрипачом, он перешел улицу и направился прямо к нему.

– Извините меня, господин профессор, – сказал он, – я хотел бы вам сказать... Я никогда бы не поверил раньше, что смогу дать вам совет. Но теперь я хотел бы сделать именно это.

Профессор остановился.

– Охотно выслушаю, – ответил он рассеянно. – Очень охотно. Я благодарен за каждый совет. Простите, как ваше имя?

– Керн. Людвиг Керн.

– Я благодарен за каждый совет, господин Керн. Действительно, искренне благодарен!

– Это даже не совет. Просто опыт. Вы пытаетесь продавать пылесосы и граммофоны. Оставьте это. Это потеря времени. Здесь тысячи эмигрантов делают то же самое. Это так же бессмысленно, как пытаться заключать страховые договора.

– Я именно этим и хотел заняться, – живо перебил его профессор. – Мне сказали, что это легко и на этом можно заработать.

– И обещали хорошие комиссионные за каждый заключенный договор?

– Да. Конечно. Хорошие комиссионные.

– И больше ничего? Ни постоянной зарплаты, ни оплаты издержек?

– Нет, этого не обещали.

– С таким же успехом то же самое мог бы предложить вам я. Это ровно ничего не означает. Господин профессор, вы продали хоть один пылесос? Или граммофон?

Профессор поднял на него беспомощный взгляд.

– Нет, – сказал он, странно смутившись. – Но я надеюсь, что в ближайшее время...

– Оставьте это дело, – ответил Керн. – Это и есть мой совет. Купите дюжину пар шнурков для ботинок. Или несколько банок крема. Или маленькие пакетики английских булавок. Мелкие вещи, которые могут понадобиться каждому. Продавайте лучше их. Много вы на этом не заработаете. Но вы будете время от времени хоть что-то продавать. Этим тоже занимаются сотни эмигрантов. Но легче продать английскую булавку, чем пылесос.

Профессор серьезно поглядел на Керна.

– Об этом я еще не думал.

Керн застенчиво улыбнулся.

– Я так и знал. Но все-таки подумайте. Это лучше. Я знаю. Я раньше тоже пытался продавать пылесосы.

– Может быть, вы правы. – Профессор протянул ему руку. – Благодарю вас. Вы очень любезны. – Его голос стал вдруг странно тихим и почти униженным, словно он был учеником, который не приготовил урока.

Керн кусал губы.

– Я был на каждой вашей лекции, – сказал он.

– Да, да... – Профессор сделал безнадежный жест. – Благодарю вас, господин... господин...

– Керн. Но это не важно.

– Нет, это важно, господин Керн. Извините меня, пожалуйста. Я стал несколько забывчив в последнее время. Большое вам спасибо. Я, пожалуй, попробую, господин Керн.

Отель «Бристоль» был тесной развалюхой, которую снимал комитет помощи беженцам. Керн получил койку в комнате, где кроме него жили еще двое беженцев. После еды он чувствовал себя очень усталым и сразу же лег спать. Его соседей еще не было дома, и он не слышал, как они пришли.

Посреди ночи он проснулся. Он услышал крики и сразу же вскочил с постели. Не задумываясь, он схватил чемодан и бросился вон из комнаты вдоль по коридору.

В коридоре все было тихо. На лестничной клетке он остановился, поставил чемодан и прислушался – потом кулаками протер глаза. Где он? Что случилось? Где полиция? Керн посте-

пенно пришел в себя. Он огляделся вокруг и облегченно усмехнулся. Он был в Праге, в отеле «Бристоль», и у него имелось разрешение на жительство сроком на четырнадцать дней. Не было оснований так пугаться. Ему просто померещилось. Он повернул назад. Надо держать себя в руках. Нельзя так распускаться, подумал он. Не хватало только стать неврастеником. Тогда все кончено. Он открыл дверь и в темноте стал ощупью пробираться к своей постели. Она была справа у стены. Он тихо поставил чемодан и повесил одежду на спинку кровати. Потом попытался нащупать одеяло. В тот момент, когда он уже собрался лечь, он ощутил под рукой что-то теплое, мягкое, дышащее и отскочил как ужаленный.

– Кто это? – спросил заспанный девичий голос.

Керн затаил дыхание. Он перепутал комнату.

– Кто здесь? – спросил голос еще раз.

Керн замер. Он чувствовал, как у него выступает пот. Потом он услышал, как она вздохнула и перевернулась на другой бок. Он подождал еще несколько мгновений. Все было тихо, и в темноте слышалось только ее глубокое дыхание. Керн бесшумно схватил вещи и осторожно выскользнул из комнаты.

Теперь в коридоре стоял мужчина в ночной рубашке. Он стоял около комнаты Керна и смотрел через очки прямо на него. Он видел, как Керн с вещами вышел из соседнего номера. Керн был слишком растерян, чтобы начинать объяснение. Он молча вошел в открытую дверь мимо мужчины, который не посторонился, положил вещи и лег в постель. Предварительно он на всякий случай пощупал одеяло. Под ним никого не было.

Человек постоял еще некоторое время в дверях. Его очки поблескивали в тусклом свете коридора. Потом он вошел и с сухим треском запер дверь.

В тот же момент снова раздался крик. Керн теперь разобрал, что кричали: «Не бейте! Не бейте! Ради бога, не бейте! Пожалуйста, пожалуйста, не надо. Ох...» Крик перешел в жуткое бормотание и замер. Керн приподнялся.

– Что это? – спросил он в темноту.

Щелкнул выключатель, стало светло. Человек в очках встал и подошел к третьей постели. На ней лежал задыхающийся, покрытый холодным потом человек с безумными глазами. Мужчина в очках взял стакан, наполненный водой, и поднес его к губам кричавшего.

– Выпейте. Вы бредили. Вы в безопасности.

Человек жадно пил. На его тонкой шее поднимался и опускался кадык. Потом он бесильно откинулся назад и, глубоко дыша, закрыл глаза.

– Что это? – спросил еще раз Керн.

Человек в очках подошел к его постели.

– Что это? Бред. Две недели как из концлагеря. Нервы, понимаете?

– Да, – сказал Керн.

– Вы живете здесь? – спросил человек в очках.

Керн кивнул:

– Я, кажется, тоже стал немного нервным. Когда он первый раз закричал, я бросился бежать. Мне показалось, что в доме полиция. А потом перепутал номер.

– Ах так...

– Простите, пожалуйста, – сказал третий. – Я теперь не буду спать. Простите.

– Ах, чепуха! – очкастый подошел к своей постели. – Ну, бредили вы немного во сне. Нам это ничуть не мешает, не правда ли, молодой человек?

– Ничуть, – повторил Керн.

Щелкнул выключатель, снова стало темно. Керн вытянулся на постели. Он долго не мог заснуть. Странно было там, в соседней комнате. Мягкая грудь под тонким одеялом. Он все еще чувствовал ее – словно его рука стала иной после этого ощущения. Потом он услышал, как человек, который кричал, встал и сел к окну. Его склоненная голова черным пятном выделя-

лась на фоне серого рассвета, напоминая угрюмую статую раба. Керн некоторое время смотрел на него. Потом заснул.

Йозеф Штайнер легко перешел границу. Он хорошо знал ее и к тому же, как старый солдат, разобрался в патрулировании.

В 1915 году он был ротным и получил Железный крест за пленного, захваченного во время патрулирования.

Через час он был вне опасности. Он пошел на вокзал. В вагоне было мало народу. Кондуктор посмотрел на него.

– Уже обратно?

– Билет до Вены, в общем вагоне, – ответил Штайнер.

– Быстро вы, – сказал кондуктор. Штайнер взглянул на него. – Знаю я это дело, – продолжал кондуктор. – Каждый день несколько таких поездов – и чиновники всегда те же. Прямо наказание. Вы ведь приехали в этом самом вагоне, не узнаете?

– Я вообще не понимаю, о чем вы говорите.

Кондуктор засмеялся.

– Поймете. Идите в тамбур. Если придет контролер, прыгайте. Может быть, никто и не придет в такое время. Тогда сэкономите на билете.

– Прекрасно.

Штайнер встал и пошел в тамбур. Он ощутил ветер и увидел огни пролетающих мимо деревушек. Он глубоко вздохнул, испытывая самое сильное опьянение на свете – опьянение свободой. Ощутил кровь в жилах и теплую силу мускулов. Он жил. Его не взяли, он жив, он вырвался.

– Бери сигарету, старина, – сказал он вышедшему за ним вслед кондуктору.

– Спасибо. Только сейчас мне нельзя курить. Служба.

– А мне можно?

– Да. – Кондуктор добродушно рассмеялся. – В этом смысле тебе лучше, чем мне.

– Да, – сказал Штайнер, втягивая в легкие едкий дым. – В этом смысле мне лучше, чем тебе.

Он пришел в тот самый пансион, откуда его забрала полиция. Хозяйка еще не уходила. Увидев Штайнера, она вздрогнула.

– Вам нельзя здесь жить, – быстро сказала она.

– Можно. – Штайнер снял рюкзак.

– Господин Штайнер, это невозможно. Каждый день может прийти полиция. Они закроют мой пансион.

– Луизхен, – сказал Штайнер спокойно, – лучшее укрытие на войне – свежая воронка. Никогда почти не случалось, чтобы граната два раза попадала в то же место. Поэтому ваша хибара – сейчас самое надежное место в Вене!

Хозяйка в отчаянии вцепилась в свои крашенные волосы.

– Вы моя погибель! – возопила она.

– Прекрасно! Я всегда хотел быть роковым мужчиной! Вы романтическая натура, Луизхен! – Штайнер огляделся. – Есть здесь немного кофе? И шнапс?

– Кофе? И шнапс?

– Да, Луизхен! Я знал, что вы меня поймете. Такая милая женщина! Есть еще сливовица в шкафу?

Хозяйка беспомощно взглянула на него.

– Да, конечно, – произнесла она наконец.

– Это именно то, что надо! – Штайнер вынул из шкафа бутылку и два стакана. – Налить вам стаканчик?

– Мне?

– Да, вам. Кому же еще?

– Нет.

– Ну, Луизхен. Сделайте мне удовольствие. Пить одному – в этом есть что-то бессердечное. Прошу. – Он наполнил стакан и протянул ей.

Хозяйка колебалась. Потом она взяла стакан.

– Хорошо, можно и выпить. Но жить здесь вы не будете.

– Только пару дней, – сказал Штайнер спокойно. – Не больше, чем пару дней. Вы принесите мне удачу. Мне кое-что предстоит сделать. – Он усмехнулся. – А теперь кофе, Луизхен!

– Кофе? У меня нет кофе.

– Есть, детка. Вон он стоит. Держу пари, он первого сорта.

Хозяйка рассмеялась.

– Ну и тип! Между прочим, я не Луиза. Меня зовут Тереза.

– Тереза – это мечта!

Хозяйка принесла ему кофе.

– Здесь остались вещи старого Зелигмана, – сказала она и показала на один из чемоданов. – Что с ними делать?

– Это тот еврей с седой бородой?

Хозяйка кивнула:

– Я слышала только, что он умер, и больше ничего.

– Достаточно и этого. Вы не знаете, где его дети?

– Откуда мне это знать? Не могу же я беспокоиться еще и о них!

– Это верно. – Штайнер подвинул чемодан к себе и раскрыл его. Из него выпало несколько мотков разноцветной шерсти. Под ними оказались аккуратно связанные упаковочные ремни. Затем последовали костюм, пара туфель, еврейская книга, немного белья, несколько воротничков с роговыми пуговицами, маленький кожаный мешочек с одношиллинговыми монетами, две молитвенные ленты и белый талес, завернутый в шелковую бумагу.

– Не много для целой жизни, а, Тереза? – сказал Штайнер.

– У других и того меньше.

– Тоже верно. – Штайнер перелистал еврейскую книгу и обнаружил записку, вклеенную между двумя внутренними титульными листами. Он осторожно оторвал ее. На ней был адрес, написанный чернилами. – Ага! Вот я и нашел. – Штайнер встал. – Спасибо за кофе и сливовицу, Тереза. Сегодня я вернусь поздно. Лучше всего поместить меня на первом, окнами во двор. Тогда я быстро смогу убраться в случае чего.

Хозяйка хотела что-то сказать. Но Штайнер поднял руку:

– Нет, нет, Тереза! Если дверь будет заперта, я приведу всю венскую полицию. Но я уверен, она будет открыта! Укрывать бездомных – святое дело. За это полагается тысяча лет райского блаженства. Рюкзак я оставляю.

Он ушел. Он знал, что продолжать разговор не имело смысла, и ему было известно, какое неотразимое действие оказывают на мещан оставленные вещи. Его рюкзак подействует сильнее, чем все дальнейшие уговоры. Он просто подавит последнее сопротивление хозяйки своим молчаливым присутствием.

Штайнер пошел в кафе «Шперлер». Он хотел встретить Черникова, русского из тюрьмы. Они еще там условились ждать друг друга после полуночи на первый и второй день после освобождения Штайнера. Русские эмигранты имели на пятнадцать лет больше опыта, чем немцы. Черников обещал Штайнеру узнать, можно ли купить в Вене фальшивые документы.

Штайнер сел за стол. Он хотел заказать что-нибудь, но ни один официант не обращал на него внимания. Здесь не принято было заказывать, у большинства не было для этого денег. Заведение являло собой типичную эмигрантскую биржу. Было полно народу. Многие спали, сидя на скамьях и стульях, некоторые – на полу, прислонившись к стене. Они пользовались случаем выспаться бесплатно до закрытия кафе. С пяти утра до обеда они гуляли по городу, ожидая, пока кафе снова откроется. В большинстве своем это были интеллигенты. Им приходилось труднее всего. Они меньше всего умели применяться к обстоятельствам.

К Штайнеру подсел человек в клетчатом костюме с черными бегающими глазами на круглой, как луна, физиономии.

Некоторое время он выжидал.

– Продаете что-нибудь? – спросил он затем. – Драгоценности? Можно старые. Плачу наличными. – Штайнер покачал головой. – Костюмы? Белье? Туфли? – Он все больше наглед. – Обручальное кольцо?

– Убирайся, сволочь, – проворчал Штайнер. Он ненавидел этих субъектов, которые за гроши скупали у беспомощных эмигрантов последние вещи. Он окликнул пробежавшего мимо официанта: – Хелло! Один коньяк!

Официант бросил на него неуверенный взгляд и подошел к столу.

– Вы сказали «адвокат»? Сегодня здесь двое. Там в углу адвокат судебной палаты Зильбер из Берлина. Консультация один шиллинг. За круглым столом у двери советник Эпштейн из Мюнхена, он берет полшиллинга. Между нами: Зильбер лучше.

– Мне не надо адвоката, я просил один коньяк.

Кельнер приставил ладонь к уху.

– Я правильно понял: один коньяк?

– Да. Это такой напиток, который становится тем лучше, чем больше его пьешь.

– С удовольствием. Простите, я иногда плохо слышу. И к тому же я совсем отвык. Здесь обычно просят только кофе.

– Хорошо. Принесите коньяк в кофейной чашке.

Официант принес коньяк и встал у стола.

– В чем дело? – спросил Штайнер. – Хотите посмотреть, как я пью?

– Надо уплатить вперед. Такой порядок. Иначе мы разоримся.

– Пожалуйста. – Штайнер уплатил.

– Тут лишнее, – сказал официант.

– Лишнее – это ваши чаевые.

– Чаевые? – Официант произнес это с восхищением. – Боже мой! – заявил он растроганно. – Первый раз после стольких лет. Большое спасибо, сударь. Прямо чувствуешь себя снова человеком!

Через несколько минут в дверь вошел русский. Он сразу же заметил Штайнера и подсел к нему.

– Я уже думал, что вас нет в Вене, Черников.

Русский засмеялся.

– У нас всегда вероятное оказывается невероятным. Я выяснил все, что вы хотели знать.

Штайнер выпил коньяк.

– Есть бумаги?

– Да. И даже очень хорошие. Я давно не видел ничего лучше среди подделок.

– Мне нужно выбраться отсюда! – сказал Штайнер. – Мне нужны бумаги! Лучше с фальшивым паспортом рискнуть тюрьмой, чем эта постоянная неопределенность и каталажки. Что вы видели?

– Я был в «Алебарде». Теперь эти дела делаются там. Те же люди, что и семь лет назад. На свой манер они надежны. Впрочем, самый дешевый документ стоит четыреста шиллингов.

– Что это?

– Паспорт мертвого австрийца. Действителен еще год.

– Еще год. А потом?

Черников посмотрел на Штайнера.

– Может быть, за границей удастся продлить. Или умелой рукой переправить дату.

Штайнер кивнул.

– Есть еще два паспорта умерших немецких беженцев. Но каждый по восемьсот шиллингов. Совершенно фальшивые не дешевле полутора тысяч. Но я бы их вам не рекомендовал. – Черников размял сигарету. – От Лиги Наций вам пока ждать нечего. Как иммигранту без документов и подавно. Нансен умер.

– Четыреста шиллингов, – сказал Штайнер. – У меня двадцать пять.

– Можно будет поторговаться. Думаю, что сойдемся на трехстах пятидесяти.

– Это все равно, если наличных двадцать пять. Ну да ладно, попытаюсь добыть денег.

Где «Алебарда»?

Русский вынул из кармана записку.

– Вот адрес. И имя официанта, который занимается этим делом. Он подзовет вам нужных людей, если вы попросите. За это он берет пять шиллингов.

– Хорошо. Посмотрим, что из этого выйдет. – Штайнер тщательно спрятал записку. – Большое спасибо за все, Черников!

– Не о чем говорить! – Русский отмахнулся. – Люди помогают друг другу, если возможно. Каждый день можно попасть в такое же положение.

– Да. – Штайнер встал. – Я как-нибудь отыщу вас здесь и расскажу, как дела.

– Хорошо. Я здесь часто бываю в это время. Играю в шахматы с одним мастером из Южной Германии. Вон тот человек с выщипанной волосами. В нормальное время никогда бы не подумал, что буду иметь счастье играть с такой знаменитостью. – Черников усмехнулся. – Шахматы – моя страсть.

Штайнер кивнул ему. Потом, переступая через спящих у стены, стал пробираться к двери.

За столом советника Эпштейна сидела расплывшаяся еврейка. Молитвенно сложив руки, она глядела на него как на ненадежное божество. Эпштейн с елейным видом учил ее жизни. Перед ней на столе лежали полшиллинга. Левая волосатая рука Эпштейна лежала рядом как большой паук, подстерегающий добычу.

На улице Штайнер глубоко вздохнул. Мягкий ночной воздух был как вино после прокуренного кафе, полного безысходного людского горя. «Я должен выбраться, – думал он. – Я должен выбраться любой ценой!» Он посмотрел на часы. Было уже поздно. Несмотря на это, он решил разыскать шулера.

Маленький бар, на который шулер указал ему как на место своего постоянного пребывания, был почти пуст. Только две проститутки, как нахохлившиеся попугаи, сидели на высоких табуретах за никелевой стойкой.

– Фред был? – спросил Штайнер бармена.

– Фред? – Бармен пристально посмотрел на него. – Что вам надо от Фреда?

– Хочу повторить с ним «Отче наш», старина. Что же еще?

Бармен подумал немного.

– Он ушел час назад.

– Он придет еще?

– Не имею понятия.

– Прекрасно. Тогда я подожду. Мне водки.

Штайнер прождал около часу. Он подсчитывал, сколько выручит от продажи своих вещей. Вышло, что никак не больше семидесяти шиллингов.

Девушки лишь мельком взглянули на него. Они посидели еще некоторое время, потом удалились с надменным видом. Бармен начал от нечего делать бросать игральные кости.

– Сыграем кон? – спросил Штайнер.

– Я не прочь.

Они бросили кости, и Штайнер выиграл. Сыграли еще. У Штайнера выпали четыре козыря.

– Мне, кажется, везет на козыри, – сказал он.

– Вам вообще везет, – сказал бармен. – Какой ваш астрологический знак?

– Не знаю.

– Похоже, что лев. По крайней мере, лев приносит вам удачу. Я кое-что в этом понимаю. Последний кон, а? Фред больше не придет. Он никогда еще не приходил в это время. Ему нужно выспаться и иметь спокойные руки.

Они снова бросили кости, и Штайнер снова выиграл.

– Вот видите, – сказал бармен с удовлетворением и пододвинул к нему пять шиллингов. – Конечно, вы лев. С сильным влиянием Нептуна, на мой взгляд. В каком месяце вы родились?

– В августе.

– Типичный лев. У вас блестящие шансы в этом году.

– Если так, то я согласен хоть на целый львиный заповедник. – Штайнер осушил свой стакан. – Вы скажете Фреду, что я его искал? Передайте, что его спрашивал Штайнер. Я завтра опять зайду.

– Хорошо.

Штайнер возвращался в пансион. Он долго шел по пустым улицам. На небе было полно звезд, а из-за каменных оград доносился тяжелый аромат цветущей сирени. «Господи, Мария, – думал он, – не может же это продолжаться вечно...»

IV

Керн зашел в аптеку недалеко от Венцельсплатц. Он заметил в витрине несколько флаконов туалетной воды с этикетками лаборатории его отца.

– Туалетная вода «Фарр»! – Керн вертел в руках флакон, который аптекарь снял для него с полки. – Откуда это у вас?

Аптекарь пожал плечами.

– Не помню. Мы получили это из Германии. Уже давно. Хотите купить флакон?

– И не один. Шесть.

– Шесть?

– Да, сперва шесть. Потом еще. Для продажи, конечно. С процентами.

Аптекарь посмотрел на Керна.

– Эмигрант? – спросил он.

Керн поставил флакон на прилавок.

– Знаете что, – сказал он раздраженно, – этот вопрос со стороны штатских начинает меня бесить. Особенно когда у меня в кармане разрешение на жительство. Скажите лучше, сколько процентов вы мне дадите?

– Десять.

– Это смешно. Как же я на этом заработаю?

– Можете получить двадцать пять процентов, – сказал подошедший владелец аптеки. – Если возьмете десять флаконов, получите даже тридцать. Мы будем рады отделаться от старогохлама.

– От старого хлама? – Керн оскорбленно посмотрел на владельца. – Это прекрасная туалетная вода, вам это известно?

Владелец аптеки с равнодушным видом ковырял в ухе.

– Может быть. Тогда вы наверняка удовольствуетесь двадцатью процентами.

– Тридцать – это минимально. При чем здесь качество? Вы можете дать мне тридцать, а туалетная вода тем не менее может быть хорошей, разве не так?

Аптекарь скривил губы.

– Все эти средства одинаковы. Хороши только те, что имеют хорошую рекламу. Вот и весь секрет.

Керн посмотрел на него.

– Это вода наверняка больше не рекламируется. В этом смысле она очень плохая. Можно было бы смело просить тридцать пять процентов комиссионных.

– Тридцать, – возразил владелец. – Ее время от времени все же спрашивают.

– Господин Бурек, – сказал аптекарь, – я думаю, мы можем дать ему тридцать пять, если он возьмет дюжину. Ее спрашивает всегда один и тот же человек. Но и он не покупает, он только хочет продать нам рецепт.

– Рецепт? Боже правый, этого нам только недоставало! – Бурек умоляюще воздел руки к небу. – Рецепт?

Керн прислушался.

– Кто это хочет продать вам рецепт?

Аптекарь засмеялся.

– Тут один тип. Он утверждает, что прежде сам имел лабораторию. Врет, конечно. Чего только эти эмигранты не выдумают!

На мгновение у Керна перехватило дыхание.

– Вы знаете, где он живет? – спросил он.

Аптекарь пожал плечами.

– Я думаю, адрес где-то валяется. Он нам его давал несколько раз. А зачем вам?

– Я думаю, это мой отец.

Оба воззрились на Керна.

– Это правда? – спросил аптекарь.

– Да, это он. Я его давно уже разыскиваю.

– Берта! – возбужденно крикнул владелец женщине, которая работала за столом в глубине аптеки. – Есть у нас адрес того господина, что предлагал рецепт туалетной воды?

– Вы имеете в виду господина Штрана, того старого идиота, который торчал здесь несколько раз? – отозвалась женщина.

– Черт! – Владелец аптеки смущенно посмотрел на Керна. – Простите! – Он быстро ушел в глубину аптеки.

– Вот что получается, если спишь с подчиненными, – ехидно заметил аптекарь ему вслед. Через минуту владелец вернулся, тяжело дыша, с запиской в руке.

– Вот адрес. Это господин Керн. Зигмунд Керн.

– Это мой отец.

– Действительно? – Он отдал ему записку. – Здесь адрес. Последний раз он заходил недели три назад. Извините за неосторожное слово. Вы же понимаете...

– Ничего, ничего. Я только хотел бы прямо сейчас сходить туда. Я вернусь за флаконами потом.

– Разумеется. Это не к спеху.

Дом, где должен был жить отец Керна, находился на Тузаровой улице, недалеко от рынка. В подъезде было темно и затхло, от влажных стен пахло кислой капустой.

Керн медленно поднимался по лестнице. Странно, но он словно боялся снова увидеть отца. Он слишком привык к розыгрышам. На третьем этаже он позвонил. Потом зашаркали чьи-то шаги, и картонный щиток за круглым «глазком шпиона» отодвинулся. Керн увидел устремленный на него взгляд черного глаза.

– Кто там? – спросил ворчливый женский голос.

– Я хотел бы поговорить с одним человеком, который живет здесь, – сказал Керн.

– Здесь никто не живет.

– Живет! Хотя бы вы. – Керн посмотрел на табличку на двери. – Фрау Мелания Эковская, не так ли? Но я хотел бы говорить не с вами.

– Ну так в чем же дело?

– Я хотел бы поговорить с мужчиной, который здесь живет.

– Здесь нет никакого мужчины.

На Керна глядел круглый черный глаз. Может быть, она не врет и его отец давно уехал? Он почувствовал себя вдруг опустошенным и усталым.

– А как его зовут, кого вы ищете? – спросила женщина за дверью.

Керн с новой надеждой поднял голову:

– Я не хотел бы кричать на весь дом. Если вы откроете дверь, я скажу.

Глаз пропал. Задребезжала цепочка. «Прямо крепость», – подумал Керн. Он почти был уверен, что отец еще живет здесь; иначе женщина не стала бы спрашивать имя.

Дверь открылась. Дородная широколицая чешка с красными щеками смерила Керна взглядом.

– Я хотел бы видеть господина Керна.

– Керн? Не знаю такого. Здесь таких нет.

– Господин Зигмунд Керн. Меня зовут Людвиг Керн.

– Да? – Женщина недоверчиво оглядывала его. – Это каждый может сказать.

Керн вытащил из кармана разрешение на жительство.

– Вот, посмотрите на эту бумагу. Имя здесь изменено на всякий случай; но все остальное правильно.

Женщина прочла весь документ. Это продолжалось довольно долго. Затем она вернула бумагу Керну.

– Родственник?

– Да. – Что-то помешало Керну сказать больше. Теперь он был твердо уверен, что отец здесь.

Женщина приняла решение.

– Такого нет, – сказала она коротко.

– Хорошо, – ответил Керн. – Тогда я скажу вам, где живу. В отеле «Бристоль». Я буду здесь только несколько дней. Перед отъездом я бы хотел все же поговорить с господином Зигмундом Керном. Мне надо ему кое-что передать, – прибавил он, взглянув на женщину.

– Да?

– Да. Отель «Бристоль». Людвиг Керн. До свидания.

Он спустился вниз. «Боже правый, – подумал он, – ну и цербер. Но лучше уж пусть его стерегут, чем предадут».

Он вернулся в аптеку. Владелец бросился ему навстречу.

– Вы нашли отца? – На его лице было написано все любопытство человека, живущего сенсациями.

– Еще нет, – сказал Керн, вдруг почувствовав неприязнь. – Но он там живет. Его не было дома.

– Ну и дела! Вот уж правда неожиданный случай!

Он уперся руками в прилавок, собираясь произнести пространный спич об удивительных случаях в жизни.

– Но не для нас, – сказал Керн. – Для нас случай скорее тогда, когда все идет нормально. Ну так как же с туалетной водой? Я могу взять сейчас только шесть флаконов. У меня больше нет денег. Сколько вы дадите процентов?

Владелец немного подумал.

– Тридцать пять, – провозгласил он великодушно. – Такие вещи случаются не каждый день.

– Хорошо.

Керн уплатил. Аптекарь завернул флаконы. Женщина, которую звали Бертой, вышла посмотреть на молодого человека, который разыскал своего отца. Она что-то усиленно жевала.

– Знаете ли, – сказал владелец, – я хотел вам еще сказать: туалетная вода очень хорошая. Действительно хорошая.

– Спасибо! – Керн взял пакет. – Надеюсь, что я найду к вам еще за тем, что осталось.

Он вернулся в отель. В номере он распаковал сверток и положил два флакона, несколько кусков мыла и две бутылочки с дешевыми духами в папку. Он хотел сразу же попытаться что-нибудь продать.

В коридоре он заметил, как кто-то вышел из соседней комнаты. Это была девушка в светлом платье, среднего роста; под мышкой она держала книги. Сначала Керн не обратил на это внимания. Он был занят вычислением цен на свою туалетную воду. Вдруг он вспомнил, что девушка вышла из той комнаты, куда он по ошибке попал ночью. Керн остановился. У него было такое чувство, словно она могла его узнать.

Девушка, не оборачиваясь, сошла вниз по лестнице. Керн подождал еще немного. Потом бросился вслед за ней по коридору. Ему вдруг стало очень интересно узнать, как она выглядит.

Он спустился по лестнице и огляделся; но девушки нигде не было видно. Он вышел на улицу, подошел к выходу и выглянул на улицу. Жаркая пыльная безлюдная улица. Только на мостовой дрались несколько овчарок.

Керн вернулся в отель.

– Отсюда только что никто не выходил? – спросил он портье, который являлся одновременно кельнером и мальчиком на побегушках.

– Только вы! – портье уставился на Керна, ожидая, что тот в ответ на его остроуту разразится безудержным смехом. Керн не смеялся.

– Я имею в виду девушку, – сказал он. – Молодую даму.

– Здесь дам нет, – возразил ворчливо портье. Он был обижен тем, что его тонкое остроумие не было оценено по достоинству. – Только женщины.

– Значит, никто не выходил?

– А вы что, из полиции? Все должны знать? – портье был теперь откровенно враждебен.

Керн изумленно смотрел на него. Он не понимал, почему тот злится. Он совершенно не заметил остроуты. Он вытащил из кармана пачку сигарет и предложил портье закурить.

– Благодарю, – ответил тот холодно. – Я курю кое- что получше.

– Верю.

Керн сунул сигареты в карман. Он постоял еще немного и подумал. Девушка должна быть в отеле. Может быть, она в холле. Он вернулся.

Холл представлял собой узкое длинное помещение. Перед холлом была цементированная терраса, ведущая в сад, где под каменной оградой цвело несколько кустов сирени. Керн заглянул в застекленную дверь. Девушка сидела за столом, поставив локти на стол, и читала. Кроме нее, в холле никого не было. Керн не мог иначе, он открыл дверь и вошел.

Услышав скрип двери, девушка подняла глаза. Керн смутился.

– Добрый вечер, – сказал он неуверенно.

Девушка посмотрела на него. Потом кивнула и стала читать дальше.

Керн сел в углу. Немного погодя он встал и взял несколько газет. Он показался себе вдруг смешным, и ему захотелось опять очутиться на улице. Но прямо так снова встать и выйти казалось ему почти невозможным.

Он развернул газету и начал читать. Через некоторое время он заметил, что девушка взяла свою сумку и открыла ее. Она вынула серебряный портсигар и щелкнула крышкой. Потом она закрыла портсигар, так и не вынув сигареты, и положила его обратно в сумку.

Керн быстро положил газеты в сторону и встал.

– Я вижу, вы забыли ваши сигареты, – сказал он. – Могу я вам предложить? – Он вытащил свою пачку. Он много бы дал за то, чтобы в эту минуту иметь портсигар. Пачка была смята и надорвана по углам. Он протянул ее девушке. – Я, правда, не знаю, курите ли вы этот сорт. Портье отказался. Они для него слишком плохи.

Девушка взглянула на этикетку.

– Я курю как раз эти.

Керн засмеялся.

– Это самые дешевые. Это почти то же самое, что рассказать свою биографию.

Девушка взглянула на него.

– Я думаю, ее и без того рассказывает отель.

– Это верно.

Керн зажег спичку и поднес ей огонь. Слабое красноватое пламя осветило узкое загорелое лицо с густыми черными бровями. Большие ясные глаза, полные мягкие губы.

Керн не смог бы сказать, красива ли девушка и нравится ли она ему; у него только было странное ощущение тайной близости – его рука лежала на ее груди прежде, чем он узнал ее. Он видел, как она дышит; и вдруг, сознавая, что ведет себя по-дурацки, положил спички в карман.

– Вы давно из Германии? – спросил он.

– Два месяца.

– Это недолго.

– Это бесконечно.

Керн удивленно взглянул на нее.

– Вы правы, – сказал он. – Два года – это недолго. А два месяца – это бесконечно. Но в этом есть свое преимущество: дальше время будет сокращаться.

– Вы думаете, это надолго? – спросила девушка.

– Не знаю. Об этом я больше не задумываюсь.

– Я думаю об этом все время.

– Первые два месяца я тоже только об этом и думал.

Девушка молчала. Она задумчиво опустила голову и курила медленно, глубокими затяжками. Керн смотрел на ее густые, слегка волнистые черные волосы, обрамлявшие лицо. Ему хотелось сказать что-то особенное, глубокомысленное, но ничего не приходило в голову. Он попытался вспомнить, как в аналогичных ситуациях поступали светские герои некоторых прочитанных им книг, но его память словно высохла, да и герои, наверное, никогда не были в эмигрантском отеле в Праге.

– Вам не темно читать? – спросил он наконец.

Девушка вздрогнула, словно ее мысли были где-то далеко. Потом захлопнула лежащую перед ней книгу.

– Нет. А я и не хочу читать. Это бессмысленно.

– Иногда это отвлекает, – сказал Керн. – Если мне попадается детективный роман, я проглатываю его в один момент.

Девушка устало усмехнулась.

– Это не детективный роман. Это учебник по неорганической химии.

– Ах так! Вы учились в университете?

– Да. В Вюрцбурге.

– Я – в Лейпциге. Сначала я тоже возил с собой учебники. Не хотел ничего забывать. Потом продал. Они были очень тяжелые. На эти деньги я купил мыло и туалетную воду для продажи. Теперь я на это живу.

Девушка взглянула на него.

– Вы не очень-то обнадеживаете.

– Я не хотел вас огорчить, – быстро сказал Керн. – Я – совсем другое дело. У меня вообще никаких документов. А у вас, наверное, есть паспорт?

Девушка кивнула.

– Паспорт есть. Но через шесть недель он будет недействителен.

– Это ничего. Вы его наверняка сможете продлить.

– Не думаю. – Девушка встала.

– Вы не хотите еще сигарету? – спросил Керн.

– Нет, спасибо. Я слишком много курю.

– Мне как-то сказали, что одна сигарета в нужный момент – лучше, чем все идеалы на свете.

– Это верно. – Девушка улыбнулась и вдруг показалась Керну очень красивой. Он много бы дал, чтобы продолжить разговор, но он не знал, что должен сделать, чтобы она осталась.

– Если я смогу вам чем-нибудь помочь, – торопливо произнес он, – то я охотно сделаю это. Я ориентируюсь здесь, в Праге. Я был здесь уже два раза. Меня зовут Людвиг Керн, и мой номер рядом с вашим.

Девушка бросила на него быстрый взгляд. Керну показалось, что он выдал себя. Но она непринужденно протянула ему руку. Он почувствовал крепкое пожатие.

– Я вас охотно спрошу, если что-нибудь не буду знать, – сказала она. – Большое спасибо. – Она собрала книги и поднялась вверх по лестнице.

Керн еще немного посидел в холле. Он вдруг вспомнил все, что должен был бы ей сказать.

– Еще раз, Штайнер, – сказал шулер. – Видит бог, я больше волнуюсь за ваш дебют в этой дыре, чем когда сам играю в жокей-клубе.

Они сидели в баре. Фред устроил Штайнеру генеральную репетицию. Он собирался выпустить его первый раз против двух шулеров мелкого пошиба, подвизавшихся в соседней пивной. Штайнер видел в этом единственный способ раздобыть денег, если не считать кражи или крупного ограбления.

Почти полчаса они тренировали фокус с тузами. Наконец Фред встал. Он был в смокинге.

– Мне надо сейчас уйти. Опера. Весь свет на премьере. Поет великая Леманн. Там, где есть истинное искусство, всегда найдется дело для нас. Люди становятся рассеянными, понимаете? – Он подал Штайнеру руку. – Да, вот еще что – сколько у вас денег?

– Тридцать два шиллинга.

– Этого мало. Этим мальчикам нужно показать большие деньги, иначе они не клонут. – Он вынул из кармана стошиллинговый билет. – Вот. Заплатите за кофе; эту приманку они наверняка возьмут. Деньги вернете хозяину; он меня знает. Да, вот еще: играть по малой и следить, когда выйдут четыре дамы! Ни пуха ни пера!

Штайнер взял банкнот.

– Если я проиграю, я никогда не смогу вернуть вам долг.

Карманный вор пожал плечами.

– Проиграете, значит, проиграете. Творческая неудача. Но вы не проиграете. Я знаю этих людей. Грубо работают. На дураков. Вы волнуетесь?

– Кажется, нет.

– Еще один шанс в вашу пользу. Мальчики же не знают, что вы знаете. Пока они возьмут в толк, в чем дело, вы их прилично нагреете, и будет уж поздно. Ну, желаю удачи.

– Желаю удачи.

Штайнер отправился в пивную. Как странно, думал он по дороге, ни один человек не доверил бы мне и четверти той суммы, которую, не задумываясь, предложил карточный шулер. Всегда одно и то же. Слава богу!

В передней комнате за несколькими столами играли в тарок.

Штайнер сел к окну и заказал шнапс. Он медленно вытащил бумажник, куда заранее положил несколько листов бумаги, чтобы он казался толще, и расплатился стошиллинговым билетом.

Через минуту к нему обратился какой-то плюгавый человечек, предлагая составить маленькую партию в покер. Штайнер со скучающим видом отказался. Человек начал его упрямить.

– У меня слишком мало времени, – заявил Штайнер. – Самое большее полчаса, это слишком мало для игры.

– Ну что вы! Что вы! – плюгавый показал редкие зубы. – За полчаса можно выиграть целое состояние, дорогой мой!

За соседним столом Штайнер увидел двух других. Один был толстомордый и лысый, второй – черный, волосатый и с очень большим носом. Оба равнодушно глядели на него.

– Если это не больше, чем полчаса, – сказал Штайнер нерешительно, – то можно попробовать.

– Конечно-конечно, – любезно согласился плюгавый.

– И я могу кончить, когда захочу?

– Ну конечно, дорогой сосед, когда захотите.

– И даже если выиграю?

Губы толстяка, сидевшего за столом, расплзлись в усмешке. Он переглянулся с сидевшим напротив брюнетом: похоже, что на удочку попался типичный фраер.

– Конечно-конечно, именно если выиграете, дорогой сосед, – сладко заблеял плюгавый.

– Ну так и быть. – Штайнер сел за стол. Толстяк перетасовал колоду и сдал. Штайнер выиграл несколько шиллингов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.